

Богословско-историческая коллекция
Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России

Лопухин А.П.

ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ И БОГОСЛОВСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ ПО ЗАПИСКАМ ПАЛЬМЕРА

Странник, 1883, № 3, с. 437-494;
№ 4, с. 687-700; № 5, с. 54-68;
№ 6, с. 219-230; № 11, с. 415-431

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Издательство «Аксион эстин»
www.axion-estin.ru

Духовно-просветительский центр
ИЛИОТРОПИОНЪ

Духовно-просветительский
центр «Иліотропіонъ»
<http://andreyblag.ru>

Москва, 2014

Церковно-религіозна жизнь и богословская мысль въ Россіи

по запискамъ Пальмера.

Сороковые года составляютъ замѣчательный періодъ въ исторіи умственнаго развитія русскаго народа. Это было время богатаго разцвѣта самобытной русской мысли, которая, свободная еще отъ мертвящихъ оковъ иноземщины, вольно питалась соками родной почвы и выразилась въ цѣлой плеядѣ талантовъ, немногіе представители которой до сихъ поръ служатъ лучшими и высшими выразителями самобытнаго русскаго гениа. Если не наука, имѣющая общечеловѣческій характеръ, то наша литература, въ которой естественно находить высшее выраженіе народный гений, можетъ съ гордостью указывать на этотъ періодъ, и при сравненіи съ нимъ теперешняго переживаемаго нами времени почти невѣроятнаго оскуднѣнія русской литературы—нашей критикѣ слѣдовало бы не предаваться безплоднымъ сѣтованіямъ о самомъ фактѣ оскуднѣнія, а смѣло взглянуть ва тѣ причины, благодаря которымъ оскудѣла и измельчала русская мысль. Самый фактъ оскуднѣнія не подлежитъ сомнѣнію. Онъ признанъ всѣми и на всѣ лады повторяется въ безчисленныхъ іереміадахъ искреннихъ и наемныхъ плавальщиковъ нашей литературной критики. Но причины еще далеко не выяснены и относительно ихъ существуетъ такая путаница понятій, что въ большинствѣ ихъ ищутъ въ томъ, что составляетъ нашу національную силу, и врачеваніе отъ зла въ томъ, что служитъ источникомъ зла. Мы разумѣемъ ту, къ сожалѣнію преобладающую въ настоящее время, лите-

ратурную партію, въ устахъ которой самое понятие самобытности, на почвѣ которой только и можетъ развиваться здоровый національный геній, превращено въ плоско-ироническое прозвище «самобытниковъ». Между тѣмъ въ самобытности только и можетъ быть найдено цѣлбное средство противъ захудалости современной русской мысли, томящейся подъ гнетомъ иноземщины. Въ послѣднее время повидимому наступаетъ поворотъ въ сознаниі лучшей части нашего интеллигентнаго общества и, можно надѣяться, въ недалекомъ будущемъ мы опять войдемъ въ норму нашего естественнаго развитія, русская мысль оправится отъ худосочія и общественное сознание прояснится настолько, что уже не возможны будутъ такіе факты безумнаго самооплеванія, свидѣтелями котораго мы недавно были по случаю столѣтняго юбилея одного изъ великановъ русской самобытной мысли, типическаго генія сороковыхъ годовъ, митрополита Филарета московскаго. Образъ великаго митрополита, величаво живущій въ здоровомъ сознаниі русскаго народа, но расплывающійся въ призрачную тѣнь въ недомыслиі нашей либеральничавшей интеллигенціи, тѣмъ и великъ, что онъ складывается изъ высшихъ элементовъ народнаго духа, безпрепятственно выразившагося въ періодъ сороковыхъ годовъ.

Въ виду изложеннаго этотъ періодъ несомнѣнно имѣетъ высокій историческій интересъ и всякій матеріалъ, который можетъ служить къ лучшему ознакомленію съ нимъ, составляетъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу нашего самопознанія. Но интересъ матеріала еще болѣе выпящается, когда послѣдній дается человѣкомъ, стоящимъ внѣ сферы обычныхъ отношеній, часто накладывающихъ слишкомъ заурядную печать на самыя видныя явленія. Такой матеріалъ данъ въ недавно вышедшей книгѣ англичанина Пальмера, о которой уже вкраткѣ говорилось въ нашемъ журналѣ. Эта книга, составляющая дневникъ Пальмера во время его пребыванія въ Россіи въ началѣ сороковыхъ годовъ, вводитъ насъ во внутреннее святилище тогдашнихъ богословскихъ идей и религіозныхъ воззрѣній какъ представителей Церкви, такъ и лицъ свѣтскаго общества. Какъ въ общемъ литературномъ, такъ и въ богословскомъ отношеніи соро-

ковые года составляют также періодъ замѣчательной работы самобытной русской богословской мысли. Къ этому періоду принадлежатъ наши лучшіе богословскіе мыслители, оставившіе намъ поучительный и вмѣстѣ утѣшительный памятникъ, что православно-богословская мысль у насъ можетъ быть вполнѣ самостоятельною и можетъ развиваться изъ самобытныхъ православныхъ русскихъ началъ, и чѣмъ больше изъ нихъ, тѣмъ лучше, такъ какъ рабская зависимость, въ которую въ послѣднее время наша богословская наука стала отъ иноземнаго и по преимуществу нѣмецкаго богословія, убиваетъ нашу собственную богословскую мысль. Матеріаль, данный въ книгѣ Пальмера, тѣмъ болѣе интересенъ, что онъ имѣетъ дѣло съ такимъ важнымъ вопросомъ, который всегда способенъ вызывать наибольшую энергію богословствующей мысли, именно съ великимъ вопросомъ о соединеніи церковей. Въ запискахъ нашего автора высказываются по этому вопросу всѣ лучшіе представители нашей богословской мысли тогдашняго времени, съ Филаретомъ московскимъ во главѣ, и мы прямо переходимъ теперь къ самой книгѣ, извиняясь предъ читателями въ неумышленномъ отвлеченіи ихъ отъ книги случайно навѣянными мыслями о путяхъ нашего умственнаго развитія.

Книга Пальмера представляетъ собою простой дневникъ автора въ его сношеніяхъ съ современными ему представителями русской Церкви и общества, и потому отличается всею безыскусственностью и вмѣстѣ непосредственностью подобнаго рода произведеній. Тѣмъ она цѣннѣе для насъ, и при изложеніи ея мы будемъ держаться той же непосредственности, слѣдя просто за дневникомъ автора и сообщая изъ него все наиболѣе выдающееся и характерное. Изложеніе это впрочемъ мы будемъ сопровождать своими замѣчаніями, необходимыми для лучшаго уясненія руководящихъ воззрѣній самого автора, обусловливавшихся извѣстнымъ теченіемъ современной ему богословской мысли въ Англіи.

I.

Религіозное движеніе въ Англіи. Направленіе богословской мысли въ Оксфордскомъ университетѣ. Теорія вѣтвей единой католической Церкви. Пальмеръ и его мысль о ближайшемъ озвоакленіи съ православнымъ востокомъ. Петиція покойному Государю Александру II. Повѣдка въ Россію.

Въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Англіи происходило знаменательное религіозное движеніе. Англиканская церковь, развиваясь постепенно въ направленіи протестантизма, наконецъ довела процессъ протестантизированія до такой степени, что невольно содрогнулись всѣ лучшіе ея друзья, желавшіе видѣть въ ней не какую либо изъ заурядныхъ протестантскихъ сектъ, а одну изъ вѣтвей католической или вселенской Церкви. Вслѣдствіе такого сознанія естественно началась реакція и она выразилась въ извѣстномъ такъ называемомъ «Оксфордскомъ» движеніи. Движеніе это зародилось въ классическомъ сѣдалищѣ англійской учености, въ Оксфордскомъ университетѣ, не только тогда, но и до сихъ поръ, можно сказать, владѣющемъ исключительною монополіею инициативы умственныхъ движеній англійскаго народа. Въ средѣ его профессоровъ, между которыми, благодаря своеобразной системѣ ихъ избранія совѣтомъ попечителей, только и могутъ быть серьезные и потому самому консервативные мыслители, прежде всего сознаны были ненормальныя условія, въ которыя становилась англиканская церковь благодаря неумѣренному допущенію элементовъ протестантизма. Дѣйствительно достаточно было простаго, невооруженнаго взора, для того чтобы видѣть, насколько англиканская церковь начала нынѣшняго столѣтія уклонилась не только отъ римско-католической церкви, отъ которой она только два столѣтія отдѣлилась предъ тѣмъ, но и отъ того типа независимой «католической» церкви, какою она по идеѣ должна бы быть по освобожденіи отъ церковной монополіи Рима. Это встревожило серьезныхъ, консервативныхъ ученыхъ Оксфорда. Чтобы насколько возможно остановить дальнѣйшее развитіе протестантскихъ вачалъ въ англиканской церкви, профессора университета образовали между собой общество, цѣлю котораго было распространеніе въ народѣ здравыхъ церковныхъ

началь. Но гдѣ было искать этихъ здравыхъ церковныхъ началъ? Какъ серьезные люди, оксфордскіе ученые обратились за ними къ неисчерпаемому источнику вселенскихъ началъ, къ твореніямъ отцовъ и учителей нераздѣленной Церкви. Началось тщательное изученіе этихъ твореній, подвергшихся значительному забвенію подъ вліяніемъ преобладающихъ идей протестантизма. И трудъ оказался весьма плодотворнымъ. Лишь только оксфордскіе ученые прикоснулись къ этому живому источнику истинныхъ церковныхъ началъ, какъ ихъ очи, можно сказать, прозрѣли, и они уже не чрезъ зеркало гаданія увидѣли ненормальное положеніе англиканской церкви, а воочию и притомъ съ факеломъ авторитетнаго указація. Предъ оксфордскими учеными открылся необъятный кругозоръ вселенской Церкви, и ея начала, столь возвышенныя и великія въ сравненіи съ сектантскою узкостью тогдашняго англиканизма, произвели на нихъ обаятельное впечатлѣніе и рѣшили окончательный характеръ всего движенія. Все движеніе превратилось въ исканіе вселенской Церкви, и чѣмъ дальше оксфордскіе богословы углублялись въ святоотеческую литературу, тѣмъ обаятельнѣе становилась для нихъ идея католической Церкви, въ точномъ символическомъ значеніи этого слова. Это вполне отразилось на тѣхъ трактатахъ ¹⁾, чрезъ посредство которыхъ оксфордскіе ученые дѣлились результатами своихъ изслѣдованій съ обществомъ. Первые изъ этихъ трактатовъ носятъ на себѣ слѣды нерѣшительности и традиціонной привязанности къ формѣ современнаго англиканизма, но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе выступаетъ въ нихъ отвлеченный католическій элементъ, и наконецъ послѣдніе трактаты выражаютъ полную симпатію англиканскихъ богослововъ къ искомой ими католичности, въ жертву которой они готовы были принести символическіе члены англиканской церкви.

Итакъ движеніе богословской мысли въ оксфордскомъ университетѣ привело къ рѣшительному кризису. Современный англиканизмъ оказался несоотвѣтствующимъ идеалу католической Церкви, вытекающему изъ твореній отцовъ и учите-

¹⁾ Tracts for the Times.

лей вселенской нераздѣленной Церкви. Что же было дѣлать? Найденная въ святоотеческой литературѣ истинная идея каеолической Церкви была слишкомъ отвлеченна, чтобы можно было окончательно остановиться на ней. Если эта идея истинна, то она должна быть реальна, и потому необходимо должно существовать на землѣ дѣйствительное воплощеніе этой идеи, отсутствіе котораго было бы нарушеніемъ великаго обѣтованія о непрекращаемости Церкви на землѣ. Такой путь логическаго мышленія естественно привелъ къ исканію дѣйствительно-каеолической Церкви на землѣ, вполне соответствующей началамъ истинной Церкви Христовой. И вотъ тутъ образовалось два теченія богословской мысли, которыя подѣлили между собой оксфордскихъ и другихъ мыслителей, интересовавшихся движеніемъ. По мнѣнію однихъ причина зла, удручавшаго англиканскую церковь и ввергнувшаго ее въ омутъ протестантизма, заключалась въ самомъ корнѣ реформаціоннаго движенія. По ихъ мнѣнію, сама реформація, давшая толчекъ къ отдѣленію англиканской церкви отъ римскаго католицизма, была роковою историческою ошибкою, и потому чѣмъ скорѣе возвратиться къ прежней *alma mater*, римско-католической церкви, тѣмъ лучше, такъ какъ она доселѣ представляетъ собою наиболѣе совершенный типъ Церкви вселенской или каеолической. Какъ повидимому ни несообразно было такое заключеніе изъ тщательнаго изученія святоотеческой литературы, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ было и самое естественное при данномъ состояніи вещей. Римско-католическая церковь, съ своею стройною организаціей, выработанностью формы и іерархіи, съ своею всемірною распространенностью и обаятельною силою своего историческаго прошлаго, при исканіи дѣйствительно вселенской Церкви скорѣе всего могла представиться воображенію оксфордскихъ ученыхъ. Если къ этому прибавить общность латинской цивилизаціи, по необходимости связывавшей Англію съ римско-католическимъ континентомъ, и историческую разобщенность съ малоизвѣстнымъ и малокультурнымъ востокомъ, то наклоненіе части оксфордскихъ ученыхъ въ пользу римско-католической церкви становится естественнымъ и понятнымъ. Но между ними были также люди, слишкомъ дорожившіе благами національной и рели-

гіозной свободы и глубже понимавшіе процессъ историческаго развитія, чтобы остановиться на этой мысли. Для нихъ также обятеденъ былъ идеалъ единой истинной католической Церкви и они желали найти осуществленіе его на землѣ, но, будучи въ тоже время болѣе строги въ разсмотрѣніи наличныхъ церквей, не могли сразу отдать монополію истинности какой либо одной изъ существующихъ церквей. Они видѣли, что дѣйствительному идеалу апостольской, католической церкви не соотвѣтствуетъ ни одна изъ существующихъ наличныхъ церквей; тѣмъ не менѣе онъ долженъ же существовать въ дѣйствительности, по обѣтованію Спасителя. Идя такимъ путемъ логическаго развитія, эти ученые пришли къ тому выводу, что истинная католическая церковь не представляется отдѣльно ни какою изъ наличныхъ трехъ главныхъ церквей, взятыхъ въ отдѣльности, но всѣми ими вмѣстѣ. Католическая церковь подобна дереву, которое, имѣя одинъ корень и стволъ, съ развитіемъ и ростомъ развѣтвляется, такъ что каждая вѣтвь, при поверхностномъ наблюденіи, представляется не имѣющею ничего общаго съ другими вѣтвями, но на самомъ дѣлѣ всѣ онѣ имѣютъ одинъ и тотъ же основной стволъ, питаются одними и тѣми же соками и имѣютъ одинъ и тотъ же жизненный корень. Три главныя церкви—Грековосточная, Римско-католическая и Англиканская, благодаря историческому развитію обособившіяся въ отдѣльныя общины, суть только вѣтви одной католической Церкви. Каждая изъ нихъ, взятая въ отдѣльности, не составляетъ католической Церкви въ собственномъ смыслѣ и есть только часть ея и притомъ нарушившая чистоту своего первообраза подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ и національныхъ элементовъ. Но если взять ихъ всѣ вмѣстѣ и посредствомъ извѣстнаго логическаго процесса отвлеченія низвести ихъ на общія начала, съ отвлеченіемъ частныхъ національныхъ элементовъ, то эти общія начала и будутъ тѣмъ католическимъ деревомъ, на которомъ находятся отдѣльныя церкви какъ отдѣльныя вѣтви одного и того же дерева.

Какъ ни искусственна эта теорія, но она нашла многихъ приверженцевъ, которые видѣли въ ней единственный исходъ изъ противорѣчія между идеаломъ католической Цер-

кви и несоотвѣтствіемъ ему наличныхъ отдѣльно взятыхъ церквей ¹⁾. Къ этой партіи принадлежалъ и Пальмеръ. Это былъ, выражаясь словами издателя его книги кардинала Ньюмана, бывшаго также горячимъ участникомъ оксфордскаго движенія, «одинъ изъ тѣхъ серьезныхъ и благочестивыхъ людей, которые,—будучи глубоко убѣждены въ великой истинѣ, что Господь основалъ, и доселѣ признаетъ и поддерживаетъ, видимую церковь — единую, индивидуальную и интегральную — католическую какъ распространенную по вселенной, апостольскую какъ современную апостоламъ и святую какъ раздавательницу Его слова и таинствъ, — думали, что эта церковь въ настоящее время существуетъ въ трехъ главныхъ вѣтвяхъ или скорѣе въ троякой формѣ—латинской, греческой и англиканской, причемъ эти формы составляютъ одну и ту же церковь, отличаются одна отъ другой только второстепенными, случайными и мѣстными, хотя и важными, чертами. И такъ какъ вся церковь въ своей полнотѣ, по ихъ мнѣнію, въ одно и тоже время и отдѣльно является англиканскою, греческою и латинскою, то въ свою очередь каждая изъ нихъ есть цѣлая церковь. Отсюда слѣдовало, что когда одна изъ нихъ трехъ на лицо, то другія двѣ, по существу дѣла, отсутствуютъ, и поэтому всѣ три не могутъ имѣть прямыхъ отношеній одна къ другой, какъ еслибы онѣ были тремя самостоятельными тѣлами, такъ какъ между ними нѣтъ дѣйствительнаго отличія, кромѣ внѣшняго признака пространственнаго расположенія. Затѣмъ такъ какъ, по ихъ мнѣнію, въ данной территоріи не могло быть церквей болѣе какъ одной изъ трехъ, то отсюда слѣдовало, что христіане вообще, гдѣ бы они ни были, обязаны признавать и имѣютъ право быть признаваемы такою церковью, въ территоріи которой они въ данный моментъ находятся, такъ что будучи въ Римѣ, они должны перестать принадлежать къ Англиканской церкви, и должны отвергать Римъ, когда они находятся въ Москвѣ. Нако-

¹⁾ Теорія эта до сихъ поръ держится въ высоко-церковной партіи (High Church Party) англиканской церкви какъ въ Англии, такъ и въ Америкѣ, и ее недавно развивалъ известный американскій проповѣдникъ Юеръ (Ewer) въ своихъ знаменитыхъ проповѣдяхъ о «Банкротствѣ протестантизма». См. А. Дюбуази: «Религія въ Америкѣ», стр. 39 и др.

нецъ, не признавать этого неизбежнаго вывода изъ основной идеи церкви, именно что она какъ повсемѣстна, такъ и едина, по ихъ мнѣнію значило бы обнаруживать худую логику, а противодѣйствовать ему значило бы возстановлять алтарь противъ алтаря, то есть было бы теиннымъ грѣхомъ раскола и святотатства» ¹⁾. — «Таково по моему мнѣнію, прибавляетъ кардиналъ Ньюманъ, формальное ученіе англиканизма; такого-то ученія мы держались и проповѣдывали его въ Оксфордѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ и въ такое-то ученіе глубоко вѣровалъ Пальмеръ и энергически ратовалъ за него, когда онъ ѣздилъ въ Россію. Оно-то было для него побудительной причиной отправиться туда, потому что онъ надѣялся получить отъ святѣйшаго синода (imperial Synod) такое признаніе своего права на таинства грекороссійской церкви, которое было бы неопровержимымъ доказательствомъ того, что ученіе англиканскихъ богослововъ не простая теорія и что англиканинъ ipso facto есть въ то же время православный» ²⁾.

Такимъ образомъ вотъ съ какими воззрѣніями и цѣлями отправился Пальмеръ въ Россію. Его побѣдка была такъ сказать попыткой смѣлаго приложенія идей оксфордскаго движенія къ дѣйствительности, которая должна была произнести тотъ или другой приговоръ самой теоріи. Такъ какъ этою дѣйствительностью была православная русская церковь, то книга Пальмера представляетъ для насъ первостепенный интересъ въ томъ отношеніи, какъ эта церковь въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, съ которыми встрѣчался Пальмеръ въ Россіи, отнеслась къ оксфордской доктринѣ, несомнѣнно составляющей важный шагъ въ сознаніи западно-европейскаго міра въ направленіи къ истиннымъ церковнымъ началамъ. Вся книга автора состоитъ изъ передачи его богословскихъ бесѣдъ съ разными представителями русской богословской мысли, но она въ тоже время пересыпана замѣчаніями автора о нашихъ церковнобытовыхъ порядкахъ, какъ они представлялись его непосредственному взгляду. И самое изданіе его книги со стороны кардинала Ньюмана

¹⁾ Palmer, Notes of a visit to the Russian Church, Prefatory notice, p. V—VII.

²⁾ Palmer, ibidem, p. VII.

предпринято, по собственному сознанию кардинала, не ради дѣла англиканской доктрины, которая для Ньюмана съ переходомъ его въ римскій католицизмъ сдѣлалась мертвымъ фактомъ, а ради «той живой картины, которую рисуетъ эта книга, къ лучшему или худшему, о русской церкви и которая произведена авторомъ безъ всякихъ усилій, благодаря его сношенію съ духовенствомъ и мірянами и съ населеніемъ вообще» ¹⁾.

Первымъ поводомъ къ ознакомленію Пальмера съ православною Россіей послужилъ совершенно исключительный случай. Когда оксфордское движеніе уже можно сказать дошло до своего рѣшительнаго пункта, когда уже назрѣла мысль о ближайшемъ ознакомленіи съ другими вѣтвями вселенской Церкви для уясненія ихъ взглядовъ на оксфордскую доктрину и когда взоры оксфордскихъ богослововъ съ этою же цѣлю направлены были къ православному востоку, который, не смотря на свою отсталость въ культурномъ отношеніи, тѣмъ не менѣе продолжалъ сохранять какое-то таинственное обаяніе для всѣхъ ищущихъ церковной правды на западѣ, въ это время, именно въ маѣ 1839 года, въ Оксфордъ прибылъ покойный Государь Императоръ Александръ II, бывший въ то время еще наслѣдникомъ престола. Этимъ случаемъ воспользовались въ Оксфордѣ для своихъ цѣлей, и когда высокій русскій гость посѣтилъ университетъ, то Пальмеръ, которому было поручено встрѣтить его, представилъ ему петицію слѣдующаго, въ главныхъ чертахъ, содержанія:

«Хотя можетъ показаться дерзновеннымъ, тѣмъ не менѣе я осмѣливаюсь представить петицію Вашему Императорскому Высочеству.

«Она состоитъ въ томъ, чтобы сюда былъ присланъ какой либо русскій богословъ, способный изслѣдовать богословіе нашихъ церквей. Онъ могъ бы жить въ магдаленской коллегіи (о чемъ я уполномоченъ заявить) и я самъ сталъ бы учить его англійскому языку, такъ что при его посредствѣ содержаніе нашихъ лучшихъ книгъ могло бы стать извѣстнымъ Его Императорскому Величеству и епископамъ восточ-

¹⁾ Palmer, *ibid.* p. VIII.

ной общины. И если бы, со временемъ, мнѣ пришлось отправиться въ Россію для изученія тамъ богословія и обрядности русской церкви, то, надѣюсь, я могъ бы получить благоволеніе и покровительство Вашего Императорскаго Высочества. Несомнѣнно, если вся католическая церковь должна жаждать единенія, ничто не можетъ быть болѣе достойнымъ благочестія великаго принца, чѣмъ стараніе содѣйствовать воссоединенію двухъ общинъ, раздѣленныхъ только вслѣдствіе недоразумѣній и недостатка сношеній.

«Въ то время какъ церковь Англіи постоянно защищаетъ права христіанскихъ государей, угрожаемыхъ одинаково честолюбіемъ римскаго первосвященника и демократическою распущенностью, она сама нъ настоящее время находится въ великой опасности, будучи изолирована въ углѣ запада и угрожаема ненавистью всѣхъ сектъ, вступившихъ въ союзъ съ схизматическими папистами для ея ниспроверженія.

«Если бы Ваше Императорское Высочество соизволили благосклонно отнестись къ нашей просьбѣ и проникнуться участіемъ къ бѣдственному состоянію нашихъ церквей, то это было бы благодареніемъ для дѣла общественнаго порядка, подчиненія и смиренія на западѣ; и въ то же самое время, содѣйствуя единенію церквей, Ваше Императорское Высочество возрадовали бы всѣхъ, кои молятся о мирѣ христіанскаго міра.

«Да благословитъ Всевышній престоль Императора Россіи и да повинуются ему какъ отцу всѣ подчиненные ему народы. Пусть онъ никогда не видитъ нашествія анархическихъ началъ еретическаго протестантизма для возмущенія его имперіи и его церквей, и да будетъ ему дано, при благопріятномъ случаѣ, освободить Востокъ отъ ига невѣрныхъ ¹⁾).

Надо замѣтить, что петиція эта, прежде представленія, подверглась тщательному просмотру президента или ректора магдаленской коллегіи, престарѣлаго Рута, который рекомендовалъ исключить изъ нея всѣ выраженія, такъ или иначе не соотвѣтствовавшія достоинству англиканской церкви, и между прочимъ подверглось замѣчанію съ его стороны по-

¹⁾ Palmer, Chapter I, pp. 1—3.

слѣднее выраженіе петиціи, которое онъ нашелъ «неанглійскимъ». Петиція, повидимому, произвела благопріятное впечатлѣніе на покойнаго Государя Императора, благородной и гуманной душѣ котораго была симпатична всякая идея, способствующая водворенію мира и единенія на землѣ, и спустя нѣсколько лѣтъ послѣ подачи петиціи, въ Оксфордѣ носился слухъ, что Императоръ Николай I предполагалъ основать тамъ при университетѣ кафедрѣ русскаго языка; но дѣло затормозилось отъ того, что онъ желалъ оставить за собою право назначенія на нее профессора, что видимо расходилось съ традиціоннымъ взглядомъ англійскихъ университетовъ на ихъ самостоятельность и съ извѣстною политическою подозрительностью англичанъ въ дѣлахъ этого рода. Такъ дѣло и осталось ни при чемъ, не смотря на несомнѣнно важное значеніе его идеи. Идея эта, впрочемъ, вскорѣ нашла довольно счастливое приложеніе, когда подъ вліяніемъ сильныхъ религіозныхъ движеній на западѣ, вызывавшихъ необходимость въ ознакомленіи съ ними, по мысли оберъ-прокурора графа Протасова открыты были въ главныхъ центрахъ европейскаго міра русскія православныя церкви, въ настоятели которыхъ приглашены были лица солидной богословской учености. Эти лица, среди которыхъ дѣйствительно было много достойныхъ и можно сказать отборныхъ лицъ, пользуясь содѣйствіемъ и поощреніемъ оберъ-прокурора, оказали незамѣнимую услугу въ дѣлѣ ознакомленія съ состояніемъ западно-европейскаго христіанскаго міра, и вельзя не пожалѣть только, что эта миссія нашихъ заграничныхъ церквей скоро потеряла свой первоначальный характеръ, и онѣ, съ отливомъ первой фаланги дѣятелей, превратились въ обычные требоисправительныя приходскія церкви, съ заурядными требоисправительными настоятелями, въ каковомъ положеніи онѣ, къ сожалѣнію, находятся и теперь.

Но если не пришлось осуществиться мысли Пальмера относительно введенія англиканскаго богословія въ сознаніе представителей русской богословской мысли, то онъ постарался вознаграждать это упущеніе восполненіемъ противоположной стороны схемы и рѣшился самъ ознакомиться съ началами русской богословской мысли и церковнорелигіозной

жизни. Съ этою цѣлю онъ началъ приготовляться къ поѣздкѣ въ Россію. Его мысль нашла сочувствіе въ большинствѣ членовъ профессорской корпораціи магдаленской коллегіи, профессоромъ которой онъ состоялъ; образовалось особое общество для осуществленія его идеи. Наибольшую поддержку Пальмеру оказалъ президентъ коллегіи Руть, по мнѣнію котораго англиканская церковь въ сущности никогда никакимъ открытымъ или соборнымъ актомъ не отвергала общенія съ восточною церковью, точно также какъ и она сама никогда не была отлучаема со стороны восточной. Тѣмъ не менѣе дѣло не осталось безъ возраженій со стороны отдѣльныхъ членовъ. Оно было въ сущности такъ ново и такъ неподготовлено исторически, что самая идея его для нѣкоторыхъ казалась химерическою и даже нѣсколько обидною для достоинства англиканской церкви, особенно въ виду господствовавшаго въ то время предубѣжденія противъ восточной церкви, какъ бездушнаго тѣла. Въ этомъ смыслѣ одинъ изъ членовъ корпораціи коллегіи, Сибторпъ, когда на засѣданіи зашла рѣчь о выдачѣ рекомендательной грамоты Пальмеру при отправленіи въ Россію, заявилъ рѣзкій протестъ. «Я протестую, г. президентъ, возбужденнымъ голосомъ сказалъ онъ, противъ того, чтобы это общество оказывало какое бы то ни было поощреніе идеѣ взаимнообщенія съ идолопоклонническою (idolatrours) греческою церковью». Тѣмъ не менѣе грамота была дана Пальмеру и именно слѣдующаго содержанія, отъ имени президента коллегіи:

«Всѣмъ вѣрнымъ во Христѣ, кого достигнетъ эта грамота,—благодать, здравіе и спасеніе. Такъ какъ мнѣ было заявлено, что одинъ изъ нашихъ членовъ, Вильямъ Пальмеръ, магистръ наукъ и специалистъ богословія, діаконъ по рукоположенію, желаетъ отправиться въ Россію для церковныхъ изслѣдованій, то я, одобряя и поощряя его желаніе, этою настоящею грамотою санкціонирую его предпріятіе. Я желаю, чтобы онъ, испросивъ позволеніе могущественнѣйшаго и благочестивѣйшаго Императора, если благочестіе Императора соизволитъ на его просьбу, со всякимъ почтеніемъ представился русскимъ епископамъ и особенно святѣйшему духовному Синоду, чтобы при ихъ соизволеніи и содѣйствіи онъ

могъ ознакомиться съ ученіемъ, формами и обрядами русской церкви, и изучилъ бы русскій языкъ — въ какой либо духовной академіи или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, какъ будетъ признано наиболѣе удобнымъ.

«Затѣмъ я прошу и даже заклинаю именемъ Христовымъ всѣхъ преосвященнѣйшихъ архіепископовъ и епископовъ и особенно самый святѣйшій Синодъ, чтобы они испытали его касательно православія его вѣры съ духомъ челоуѣколюбія, и чтобы, если они найдутъ въ немъ все, что необходимо для цѣлостности истинной и спасающей вѣры, допустили его также къ общенію въ таинствахъ.

«Я желаю, чтобы онъ подчинялся и сообразовался во всемъ съ внушеніями и вставленіями русскихъ епископовъ, только не утверждая и не дѣлая ничего такого, что было бы противно вѣрѣ и ученію британскихъ церквей.

«Къ сей граматѣ я охотно подписую мое имя и прилагаю печать въ 4 день августа, въ годъ Христа 1840.

Мартинъ Джозефъ Рутъ, президентъ коллегіи св. Маріи Магдалины въ Оксфордскомъ университетѣ¹⁾.

Заручившись, послѣ нѣкоторыхъ формальныхъ затрудненій, одобреніемъ со стороны примата англиканской церкви, архіепископа кентерберійскаго, Пальмеръ отправился въ Россію. Англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ, лордъ Чанрикардъ, будучи въ то время въ Лондонѣ, далъ ему нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ въ Петербургѣ и прежде всего къ оберъ-прокурору св. Синода графу Протасову, о которомъ онъ между прочимъ замѣтилъ Пальмеру: «Вы удивитесь, когда увидите гусарскаго генерала, въ своей формѣ, адъютанта Императора, предсѣдательствующимъ (?) въ Синодѣ, распоряджающимся епископами и управляющимъ церковью»²⁾.

¹⁾ Palmer, Chapter III, p. 13—14.

²⁾ Palmer, p. 14.

II.

Прибытіе въ Петербургъ и первыя впечатлѣнія.—Черты церковно-религіозной жизни.—Богатство внѣшнихъ формъ и ихъ значеніе для религіозной жизни.—Характеръ русскаго народа и положеніе духовенства.—Испытующій англичанинъ и богословствующій генералъ отъ гусаръ.—Письмо Пальмера къ графу Протасову.

Нѣсколько дней спустя, Пальмеръ съ любопытствомъ иностранца уже прохаживался по улицамъ Петербурга и вникалъ въ своеобразныя черты русской жизни. Надо сказать, что русская жизнь вообще такъ своеобразна и притомъ такъ мало извѣстна въ западно-европейскомъ мірѣ, что всякій иностранецъ невольно поражается богатствомъ и разнообразіемъ ея самобытныхъ чертъ, дѣйствительно представляющихъ для наблюдательнаго взора неисчерпаемый матеріалъ этнографическаго изученія. Когда вы переѣзжаете въ западной Европѣ изъ одного государства въ другое, вы едва можете замѣтить какой либо этнографическій или культурный переходъ. Все подернуто однообразнымъ колоритомъ романо-германской культуры. Россія же сразу поражаетъ типичностью своей этнографической и культурной самобытности, и всякій иностранецъ съ чувствомъ необычнаго интереса всматривается во всѣ ея отдѣльныя черты—отъ «синихъ кафтановъ и великолѣпныхъ, какъ выражается Пальмеръ, бородъ» русскихъ мужиковъ, отъ своеобразной упряжи и громоносно-музыкальнаго звона и перезвона русскихъ колоколовъ до сложнѣйшихъ проявленій нашей общественной и государственной жизни. Для Пальмера первенствующій интересъ имѣли конечно проявленія нашей церковно-религіозной жизни и онъ съ любопытствомъ останавливается на всѣхъ ея выдающихся особенностяхъ. Онъ посѣщалъ церкви, всматривался въ ихъ внѣшнія и внутреннія черты, и на первый разъ онѣ производили на него смѣшанное впечатлѣніе внѣшняго величія и внутренней матеріализаціи религіознаго духа. Избытокъ внѣшнихъ формъ нашей церковности видимо смущалъ его совѣсть, такъ какъ на первый разъ онъ не могъ разглядѣть подъ ними того богатаго внутренняго содержанія,

которое наполняетъ ихъ. Вынесенное имъ впечатлѣніе отъ посѣщенія Казанскаго собора онъ передаетъ въ такихъ чертахъ: «Тамъ былъ избытокъ благочестивыхъ жестикуляцій, народъ кланялся и крестился, цѣловалъ иконы, опускался на землю и прикасался къ полу своими лбами (иногда съ внятнымъ стукомъ), кланялся и крестился опять и опять — мужчины и женщины, старые и малые. Маленькія свѣчи расплавились при дверяхъ на особой конторкѣ, зажигались и ставились для сожженія (какъ бы во имя тѣхъ, кто ставилъ ихъ) на большихъ канделябрахъ предъ иконостасомъ. Внутри и внѣ церкви было много бѣдныхъ, и въ дверяхъ стояло много нищихъ, которымъ проходящіе щедро раздавали копѣйки. — Общее впечатлѣніе, произведенное этою церковью, было впечатлѣніемъ великаго блеска и великолѣпія, а также и изящества. Впечатлѣніе, произведенное на меня (при моемъ первомъ посѣщеніи) внѣшнимъ благочестіемъ народа, было впечатлѣніемъ изумленія, любопытства, подозрительности и извѣстнаго смущенія (такъ все было непохоже на англійскіе обычаи и такъ далеко шло даже въ сравненіи съ обычаями римско-католическими), которое однакоже въ то же время смѣшано было съ почтеніемъ къ той простотѣ, благоговѣйности и щедрости въ милостынѣ, которыми это народное благочестіе сопровождалось» ¹⁾. Внѣшняя сторона религіозности русскаго народа, которая въ сущности составляетъ естественное слѣдствіе богатства его внутренняго духа, стремящагося къ внѣшнему соотвѣтствующему обнаруженію, навѣрно долго останется загадкою для иностранцевъ, привыкшихъ къ тощимъ формамъ скуднаго истинно-религіознымъ духомъ протестантства. Вслѣдствіе этого само собой понятно, что Пальмеру весьма курьезнымъ показался занесенный имъ въ свою книгу случай, когда его извозчикъ, привезшій его къ Казанскому собору, получая съ своего сѣдока деньги, возвратилъ ему обратно копѣчку съ словами: «на свѣчку въ церковь». «То-есть, объясняетъ недоумѣвающій англичанинъ, такъ какъ извозчикъ самъ не могъ оставить своей лошади, чтобы зайти въ церковь помолиться, то его молитва могла

¹⁾ Palmer, Chapter VIII, pp. 41—42.

быть представляема въ церкви его свѣчкою». Отъ поверхностнаго взора иностранца очевидно ускользнулъ весь внутренний нравственно-религіозный смыслъ этого факта и онъ сохранился въ его памяти какъ простой бытовой курьезъ.

Тѣмъ не менѣ русская церковно-религіозная жизнь такъ богата, что отъ обаянія ея въ извѣстные моменты не можетъ освободиться даже предубѣжденное чувство иностранца. Такое обаяніе испыталъ и Пальмеръ при посѣщеніи церкви Вознесенія. «Я не могъ, говоритъ онъ, проникнуть далеко внутрь церкви, такъ какъ она была переполнена народомъ; но для меня было столько новаго и поразительнаго въ пѣніи, сладостномъ и отчетливомъ, несопровождаемомъ инструментами, и въ самомъ одушевленіи и чувствѣ, съ которыми народъ присоединялся къ пѣнію часто повторявшагося возглашенія: Господи помилуй, что я цѣлый часъ или больше оставался въ состояніи очарованнаго вниманія, хотя я ничего не понималъ. Картины (иконы) были блестящи и всѣ освѣщены. Рѣзкіе трепещущіе голоса мальчиковъ, соединяясь съ низкими тонами старшихъ пѣвцовъ, были очень пріятны. Колокола на башняхъ гудѣли по временамъ. Служащіе священники были невидимы для меня, такъ какъ я стоялъ позади. Никогда прежде я не слышалъ ничего столь поразительнаго и столь общественнаго въ богослуженіи» ¹⁾). Тѣ изъ англичанъ и вообще изъ иностранцевъ, которые подольше побудутъ въ Россіи и поближе вглядятся въ нашу церковно-религіозную жизнь, значительно привыкаютъ къ ней и сами усваиваютъ нѣкоторыя черты ея. Такъ Пальмеръ рассказываетъ про одну даму англичанку, которая не смущалась дѣлать крестное знаменіе, будучи за русскимъ столомъ, и про одного даже пастора, въ другихъ отношеніяхъ очень строгаго протестанта, который не находилъ ничего суевѣрнаго въ этомъ, вопреки общему протестантскому воззрѣнію считалъ крестное знаменіе совершенно безвреднымъ и назидательнымъ, и сознавался, что «онъ самъ часто дѣлалъ крестное знаменіе, только тайкомъ, подъ платьемъ,—ради страха іудейскаго» ²⁾). Въ дѣйствительности сами англичане часто

¹⁾ Palmer. Chapter X, pp. 51—52.

²⁾ Palmer, p. 49.

сознають, какого важнаго преимущества лишилась ихъ церковь, когда она, подъ вліяніемъ крайняго протестантскаго направленія, потеряла свои богатыя внѣшнія формы. На вопросъ одного русскаго, дѣйствительно ли англиканская церковь отличается отъ лютеранской и ближе подходит къ русской церкви, англійскій посланникъ, лордъ Кланрикардъ, замѣтилъ: «Если вы изслѣдуете наши уставы и сочиненія нѣкоторыхъ изъ нашихъ прежнихъ епископовъ и богослововъ, вы въ нихъ найдете много такого, что оправдываетъ это представленіе объ англиканской церкви. Но если вы войдете въ наши церкви, вы совсѣмъ не увидите тамъ ничего такого. Въ дѣйствительности тамъ все сдѣлалось такъ тощимъ и зауряднымъ, что религія стала у насъ противною высшимъ классамъ народа»¹⁾).

Наблюденія Пальмера простирались на всѣ стороны жизни и характера нашего народа. Находя нашъ народъ очень религіознымъ, онъ въ тоже время не упускаетъ изъ вида и уродливыя черты его понятій и жизни. Такъ, ему бросилась въ глаза печальная слабость нашего народа ознаменовывать свои праздники неумѣреннымъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ. Обычай этотъ такъ укоренился въ сознаніи русскаго народа, что напр. слуга князя Голицына на праздникъ Пасхи просилъ у своего барина позволенія пойти «выпить подобно другимъ христіанамъ». Крестьяне наши, по наблюденію Пальмера, съ необыкновенною строгостью соблюдаютъ клятву, совершенную на иконѣ или крестѣ. Поэтому когда одинъ англичанинъ хотѣлъ заставить своего русскаго слугу погляться на крестѣ, что онъ не будетъ пить, то тотъ отказался отъ этого, но такъ клялся въ-волю. Отъ своихъ соотечественниковъ-англичанъ Пальмеръ слышалъ многочисленныя жалобы на то, что русская прислуга отказывается по постамъ пользоваться вмѣстѣ съ ними обыкновеннымъ скоромнымъ столомъ и требуетъ себѣ постной пищи, почему содержаніе прислуги обходится гораздо дороже. Русскій народъ строго соблюдаетъ посты, но за то «пощеніе у него производитъ реакцію и переходитъ съ прекращеніемъ поста въ

¹⁾ Palmer, p. 50.

излишество, даже среди высшихъ классовъ и духовенства». Что касается самаго состоянія и положенія духовенства, то наблюденія Пальмера не имѣютъ уже интереса, такъ какъ указываютъ по преимуществу на такія черты, которыя составляютъ уже достояніе прошлаго, какъ напр. система поступленій на мѣста со взятіемъ. Между прочимъ онъ съ любопытствомъ отмѣчаетъ такой фактъ. Дочь священника, получившая лучшее образованіе, чѣмъ какое обычно было среди духовенства, принуждена была выйти замужъ за молодаго человѣка, который долженъ былъ поступить на мѣсто ея отца, не смотря на то, что она желала выйти за военнаго или вообще свѣтскаго человѣка. «Тѣмъ не менѣе она продолжаетъ ходить на танцевальныя и другіе вечера, что необычно для жены священника, и нѣкоторые изъ офицеровъ любятъ дразнить ее, когда, болтая съ нею или приглашая ее танцевать, называютъ ее *matuschka*». Общественное положеніе нашего духовенства въ то время, какъ извѣстно, было далеко не завиднымъ, и Пальмеръ отмѣчаетъ случаи, какъ даже епископы принуждены были смиренно ждать приѣма у высокопоставленныхъ лицъ въ переднихъ.

Осмотрѣвшись въ Петербургѣ, Пальмеръ рѣшился наконецъ приступить къ осуществленію своей главной миссіи и съ этою цѣлью отправился къ оберъ-прокурору Св. Синода графу Протасову и представилъ ему свои рекомендательныя письма, а вмѣстѣ и грамоту отъ президента магдаленской коллегіи. Графъ Протасовъ любезно привялъ Пальмера, который развилъ предъ нимъ свою теорію вседенской Церкви и отношенія теперешнихъ трехъ главныхъ общинъ какъ къ ней, такъ и между собою. Теорія эта послужила предметомъ довольно длиннаго разговора, въ которомъ графъ Протасовъ обнаружилъ довольно значительную для «генерала отъ гусаръ» наслышанность въ церковныхъ и богословскихъ предметахъ. «Я не богословъ, а солдатъ, сказалъ онъ Пальмеру; но, постоянно вращаясь среди духовенства, я не могу не знать кой-чего о дѣлахъ этого рода. Если бы я былъ епископомъ, то прежде всего спросилъ бы васъ касательно вашего ученія и символа; и если бы вы стали говорить о соединеніи съ нами на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это могло бы быть»

1000 или 800 лѣтъ тому назадъ, то, въ виду того, что съ того времени на западѣ совершилось много раздѣленій и возникло много вопросовъ, которые никогда формально не доходили до насъ, я попросилъ бы дальнѣйшаго изслѣдованія и соглашенія».

— Это вполне основательно,—отвѣтилъ Пальмеръ.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ графъ, что вы скажете о таинствахъ?

— О Евхаристіи я скажу, что хлѣбъ премѣняется, становится и есть самое тѣло Христово духовно и сверхъестественно, не переставая физически, въ порядкѣ природы, быть хлѣбомъ. Этимъ мы отрицаемъ римское ученіе о пресуществленіи. И я замѣтилъ, что въ русскомъ переводѣ XVIII членовъ Виѳлеемскаго собора 1672 года устранено допущеніе этихъ двухъ соотносительныхъ терминовъ—«сущность» и «признаки»; послѣднее слово не допускается также въ русскомъ катихизисѣ, такъ что ни одинъ изъ этихъ двухъ русскихъ документовъ не находится въ противорѣчій съ православною доктриною.

Чтобы яснѣе понять эту тираду въ рѣчи Пальмера, не излишня одна историческая справка, именно касательно судьбы постановленій упомянутаго «Виѳлеемскаго» собора 1672 года. Соборъ этотъ, извѣстный у насъ подъ названіемъ іерусалимскаго, происходилъ при патріархѣ Досіеѣѣ, который, ревнуя о православіи, старался опредѣлить на немъ точныя начала православія въ противовѣсъ прежнему собору, бывшему при Кириллѣ Лукарисѣ, обвинявшемся въ явной склонности къ кальвинизму. Соборъ 1672 года дѣйствительно осудилъ постановленія прежняго собора; но если Кириллъ Лукарисъ наклонялся къ кальвинизму, то Досіеѣѣ, въ ревностномъ противодѣйствіи ему, впалъ въ другую, противоположную крайность, и въ изложеніи православной вѣры слишкомъ неосторожно поддавался вліянію ученія римскокатолической церкви. Такъ онъ переступилъ предѣлы Православія въ изложеніи ученія православной Церкви о таинствѣ Евхаристіи, принявъ вполне латинскую терминологию касательно пресуществленія, допустилъ канонъ Св. Писанія вполне по опредѣленію Тридентскаго собора и нѣкоторыя другія римскокатолическія

воззрѣнія, какъ напр. ограниченіе чтенія Св. Писанія мірянами. Опреждленія этого собора были присланы въ Россію греческими патріархами въ 1723 году вмѣстѣ съ грамотой патріарха Іеремія, въ которой выражалось братское признаніе со стороны восточныхъ патріарховъ церковно-административнаго достоинства вновъ учрежденнаго тогда въ Россіи органа Церковнаго управленія, Св. Синода, и вслѣдствіе этого они получили особенное значеніе для русской церкви. Важность ихъ требовала соотвѣтствующаго распространенія, и потому определенія или такъ называемые XVIII членовъ Іерусалимскаго собора были переведены на русскій языкъ для распространенія ихъ въ качествѣ символическаго документа истинно-православной Церкви ¹⁾. Но когда приступлено было къ ихъ изданію на русскомъ языкѣ, то зоркій глазъ строгаго блюстителя православія (митрополита Филарета) тотчасъ же усмотрѣлъ вкравшіяся въ эти члены догматическія неточности, и потому найдено было необходимымъ въ русскомъ изданіи ихъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и исправленія. Именно исправлены были положенія касательно канона Св. Писанія и смягчены крайности римско-католическаго воззрѣнія на таинство Евхаристіи. Въ этомъ фактѣ несомнѣнно выразилось нѣкоторое раздвоеніе греко-русской богословской мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась нѣкоторая неопредѣленность и неустойчивость въ положительныхъ догматическихъ воззрѣніяхъ православной Церкви, такъ что иновѣрцамъ разныхъ вѣроисповѣданій легко отыскивать въ православной Церкви тѣ или другія церковно-догматическія начала, которыя только въ данный моментъ имѣютъ для нихъ интересъ. Этимъ раздвоеніемъ воспользовался и Пальмеръ, о чемъ онъ и замѣтилъ въ разговорѣ съ графомъ Протасовымъ. Какъ извѣстно, англиканская церковь отрицаетъ въ таинствѣ Евхаристіи пресуществленіе въ его крайнемъ римско-католическомъ смыслѣ, допуская однако же его такъ сказать въ ограниченномъ духовномъ смыслѣ, какъ это видно изъ приведеннаго выше опре-

¹⁾ См. изданіе 1838 г. подъ заглавіемъ: «Царская и патріаршія грамоты о учрежденіи Св. Синода съ изложженіемъ православнаго исповѣданія восточно-католическія церкви». Спб. 1833 г.

дѣленія, сдѣланнаго Пальмеромъ. Представителямъ ея поэтому весьма важно было найти подтвержденіе своего воззрѣнія въ ученіи православной Церкви, но подлинникъ постановленій Іерусалимскаго собора, которыя между прочимъ были посланы британскимъ епископамъ, завязавшимъ въ 1716 году сношенія съ восточными патріархами о соединеніи церквей, какъ самое точное изложеніе православнаго ученія, очевидно отнималъ всякую возможность этого. Отсюда понятенъ интересъ, съ которымъ Пальмеръ указываетъ на произведенныя въ русскомъ изданіи этихъ опредѣленій измѣненія противъ подлинника и именно въ смыслѣ очищенія ихъ отъ римско-католическаго вліянія.

Графъ Протасовъ, повидимому, удивился, что Пальмеръ зналъ о произведенныхъ въ опредѣленіяхъ Іерусалимскаго собора измѣненіяхъ, но подтвердилъ этотъ фактъ и съ своей стороны замѣтилъ: «Возможно, что между этими церквями (православною и римско-католическою) есть отгѣнки различія въ предметѣ, стоящемъ выше нашего разумѣнія; но что касается меня, то, не претендуя говорить положительно, я думаю, что греческая церковь соглашается (то-есть соглашается безограничительно) съ римскимъ ученіемъ. Различіе замѣчается въ томъ, что греки дѣлаютъ призываніе Св. Духа, а не простое повтореніе словъ Христовыхъ, для совершенія освященія даровъ». Затѣмъ графъ перешелъ къ вопросу о почитаніи иконъ и нашелъ Пальмера довольно либеральнымъ въ томъ, что онъ не называлъ его идолопоклонникомъ. «Вѣдь это, прибавилъ графъ, обыкновенная на насъ клевета (со стороны иновѣрцевъ), хотя они не называютъ насъ идолопоклонниками за то, что мы кланяемся Государю пли даже изображенію Государя». Выслушавъ затѣмъ изложеніе англиканскаго ученія вообще, графъ Протасовъ не мало подивился ему; оно было такъ для него ново, что онъ не удовольствовался бесѣдой объ англиканской церкви съ Пальмеромъ, а порѣшилъ поговорить объ этомъ также съ гувернанткой своей жены, англичанкой родомъ. «У моей жены, сказалъ графъ, есть англійская бонна или компаньонка, довольно хорошая женщина. Я съ ними еще потолкую объ этомъ—такъ

все это ново для меня» ¹⁾). Въ теченіе всего разговора съ Пальмеромъ графъ Протасовъ старался строго держаться почвы православной Церкви и не преминулъ выразить сожалѣніе, что у насъ легко сходятъ съ этой почвы даже лучшіе изъ нашихъ іерарховъ, которымъ бы слѣдовало знать православную догматику основательнѣе генерала отъ гусаръ. Указывая на кальвинистическія симпатіи англичанъ, графъ Протасовъ замѣтилъ: «У насъ тоже было появился кальвинскій или протестантскій душонокъ, который повѣялъ съ Платона митрополита. Филаретъ московскій тоже былъ склоненъ въ этомъ родѣ, и особенно Михаилъ, покойный митрополитъ кievскій. Но все это было исправлено, и теперь началась православная реакція. Мы сказали митрополиту московскому, что если онъ хочетъ показать себя добрымъ и смиреннымъ христіаниномъ, то онъ долженъ, съ помощью своихъ собратій, пересмотрѣть и исправить свой прежній катихизисъ; и онъ сдѣлалъ такъ, исправивъ его и восполнивъ его прежнія упущенія» ²⁾).

Что подумалъ Пальмеръ объ этой тирадѣ генерала отъ гусаръ, ревнующаго о православіи и обвиняющаго въ уклоненіи отъ него лучшихъ іерарховъ Русской Церкви,—онъ скромно умалчиваетъ, и передаетъ только дальнѣйшее богословствованіе графа Протасова.

Въ заключеніе графъ выразилъ желаніе, чтобы Пальмеръ письменно изложилъ ему свои планы и свою миссію. «Я переведу вашу бумагу, сказалъ онъ. Дворъ скоро возвратится сюда, и тогда я покажу ее Государю, когда буду дѣлать свой ближайшій докладъ, или вообще упомяну о ней и обращу его вниманіе. Между тѣмъ, такъ какъ ваши намѣренія, по видимому, благія и ваше предпріятіе необычно, мы сдѣлаемъ все для содѣйствія вамъ. Что касается выраженнаго вами желанія поселиться въ духовной академіи, то я нѣсколько сомнѣваюсь въ этомъ отношеніи, хотя, конечно, бѣлое или мірское духовенство менѣе связано инструкціей, чѣмъ черное. Но мы посмотримъ. Если вы придете завтра въ часъ

¹⁾ Palmer, Chapter XXIII, p. 118.

²⁾ Palmer, p. 119.

пополудни въ Синодъ, то я представлю васъ моему товарищу, Муравьеву, который, хотя и свѣтскій человѣкъ, обладаетъ большими свѣдѣніями въ церковныхъ дѣлахъ. Мы почтемъ своимъ долгомъ сдѣлать для васъ все, что отъ насъ зависитъ, такъ какъ единство есть долгъ церкви и мы всѣ молимся о немъ».

Согласно желанію графа Протасова, Пальмеръ въ тотъ же день написалъ ему на латинскомъ языкѣ письмо, въ которомъ говорилось слѣдующее:

«Ваше превосходительство,

«Вы спрашиваете, зачѣмъ я прибылъ въ Россію и чего я стараюсь достигнуть отъ милости Государя? Я отвѣчаю: Сдѣлавшись членомъ магдаленской коллегіи въ оксфордскомъ университетѣ, я думалъ, что нельзя было лучше повиноваться статутамъ основателя нашей коллегіи, или приготовиться къ церковной и академической жизни, которая предстояла мнѣ, или лучше послужить нуждамъ британской церкви, въ которой я былъ крещенъ, чѣмъ какъ заграничнымъ путешествіемъ, пока я еще молодъ, и тщательнымъ изслѣдованіемъ тѣхъ богословскихъ вопросовъ, которые послужили причиной столь злосчастныхъ и долгихъ раздѣленій между апостольскими церквами. Такъ какъ я зналъ, что я крещенъ былъ не въ англійскую, или римскую, или западную, или восточную, но въ католическую или вселенскую вѣру, религію и церковь, и въ тоже время видѣлъ, что эта католическая и апостольская церковь, согласно тому опредѣленію ея, которое я получилъ отъ непосредственной моей матери-церкви британской, раздѣлена на различныя и (о чемъ страшно подумать) даже враждебныя общины, то мнѣ казалось желательнымъ точно узнать истину касательно дѣлаемыхъ противъ насъ со стороны иностранцевъ обвиненій, и не только вычитать ее изъ полемическихъ сочиненій нашихъ собственныхъ писателей, но и услышать собственными ушами отъ враждебныхъ сторонъ, и затѣмъ приобрести насколько возможно точное знаніе богословія другихъ апостольскихъ церквей, такъ чтобы въ послѣдствіи, при своихъ ученыхъ занятіяхъ, мнѣ съ помощью Божіей было больше возможности трактовать объ ученыхъ вопросахъ, поднимаемыхъ въ

оксфордскомъ университетѣ, и все это съ тою надеждою и цѣлю, чтобы съ болѣе точнымъ уясненіемъ причинъ различія и враждебности легче было ограничивать и устранять взаимныя подозрѣнія и можетъ быть даже ошибки, мнѣнія о несущественныхъ предметахъ (вѣдь я говорю не о необходимости самой вѣры), однимъ словомъ, чтобы стало возможнымъ лучшее отношеніе къ тѣмъ вопросамъ, съ разъясненіемъ которыхъ, въ наше ли время или во времена нашихъ потомковъ, могло бы быть восстановлено вождельннѣйшее единство церкви.

«Начиная съ 1833 года, я съ этою цѣлю посѣщалъ сначала церкви латинянъ на континентѣ и познакомился съ ихъ богословіемъ (т. е. съ ученіемъ папы римскаго, которому они подчинены), и затѣмъ изучалъ мнѣнія кальвинистовъ и лютеранъ. Теперь, съ одобренія президента своей коллегіи, я прибылъ для ознакомленія съ восточною и въ частности съ русскою церковью.

«Я смиренно прошу у Государя милостиваго вниманія къ моему предпріятію, дабы онъ соизволилъ рекомендовать меня почитаемому духовенству своей имперіи, съ тѣмъ чтобы, живя въ духовной академіи, или въ какомъ нибудь монастырѣ, или у епископа, или какъ нибудь еще иначе, по благоусмотрѣнію, я могъ съ помощью и въ обществѣ духовныхъ лицъ изучить русскій языкъ и изслѣдовать ученіе, дисциплину и обрядность церкви. Если будетъ дано мнѣ соизволеніе на эту просьбу, я надѣюсь въ послѣдствіи, посредствомъ перевода русскихъ книгъ на англійскій языкъ, содѣйствовать нѣсколько въ Англии и въ частности въ оксфордскомъ университетѣ къ болѣе полному и точному познанію апостольскихъ церквей Востока, къ укрѣпленію чрезъ ознакомленіе съ восточною каеоличностью нашей собственной церкви, которая теперь подвергается нападенію сразу отъ папистовъ и отъ еретическихъ протестантовъ и болѣе уже не защищается государствомъ, какъ это было прежде, и, наконецъ, чрезъ смягченіе предубѣжденій и антипатій, къ исцѣленію тепершняго мѣстнаго разчлененія каеолической церкви и къ возсоединенію всего тѣла во взаимной любви...

«Узнавъ, что въ духовной академіи въ Петербургѣ

есть лица, читающія по-англійски, я привезъ съ собой нѣсколько избранныхъ книгъ, сочиненій нашихъ лучшихъ богослововъ, въ даръ академической библіотекѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ даны были съ этою цѣлію ихъ авторами и членами оксфордскаго университета, которые, зная о моемъ намѣреніи, желали этимъ показать, что они трудятся и молятся не только для своего народа, или только западнаго міра, но и для своихъ восточныхъ братьевъ, также какъ и для всей вселенской церкви.

«Что касается меня лично, то я считаю нужнымъ прибавить, что со времени вступленія моего въ предѣлы епархій русскихъ епископовъ, я не признаю никакой иной церкви истинною и законною въ этихъ странахъ, кромѣ русской, и не подлежу, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ моей воли, никакой другой юрисдикціи, кромѣ юрисдикціи русскихъ епископовъ. Это не значить, будто я прибылъ отъ какой-нибудь ереси или раскола искать воссоединенія съ церковью Божіей въ Россіи, но самъ будучи католическимъ православнымъ христіаниномъ, какъ я вѣрую, и приходя отъ католической православной апостольской церкви, я добиваюсь отъ законныхъ и каноническихъ епископовъ страны, въ какой бы странѣ я ни былъ, и отъ каждаго изъ нихъ отдѣльно въ его собственной епархіи, обычнаго права общенія.

«Такой отвѣтъ я имѣлъ сдѣлать вашему превосходительству; и вашему благоусмотрѣнію и милостивой благосклонности Государя я препоручаю мою просьбу, моля Господа нашего Иисуса Христа не о чемъ иномъ, какъ только о томъ, что приводитъ къ миру и согласію не только всѣ церкви, но и всѣ христіанскія государства. Имѣю честь быть и пр.

«С.-Петербургъ, 27 августа, 1840 г.»

Это письмо довольно полно излагаетъ собственныя воззрѣнія Пальмера на отношеніе между собой трехъ главныхъ христіанскихъ церквей. Какъ встрѣчены были эти воззрѣнія представителями нашей богословской мысли, будетъ показано въ слѣдующій разъ.

А. Лопухинъ.

Церковно-религіозна жизнь и богословская мысль въ Россіи

по запискамъ Пальмера.

III ¹⁾.

Встрѣча Пальмера съ А. Н. Муравьевымъ и богословская бесѣда съ нимъ. Отношеніе церквей и препятствія къ ихъ соединенію. Армянская ересь. Связь религіознаго движенія въ Англіи съ политическимъ переворотомъ. Богословская бесѣда съ протоіереемъ Кутневичемъ. Авглійская теорія и православная дѣйствительность. Два направленія русской богословской мысли.

Въ назначенное графомъ Протасовымъ время Пальмеръ явился въ св. Синодъ или, по его выраженію, — въ синодальную палату и тамъ представленъ былъ товарищу оберъ-прокурора А. Н. Муравьеву. Послѣ встрѣчи съ графомъ Протасовымъ и благодаря обязательному предупреденію англійскаго посланника, Пальмеръ уже не удивился, когда и въ товарищѣ оберъ-прокурора встрѣтилъ также кавалерійскаго офицера, и Муравьевъ поэтому поразилъ его не отношеніемъ своего военнаго званія къ церковному положенію, а «только своимъ исполинскимъ ростомъ, требовавшимъ крѣпкой лошади, чтобы носить такого кавалериста» ²⁾. Какъ бы то ни было, А. Н. Муравьевъ несомнѣнно является однимъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени. Если графъ Протасовъ, занимая высокое церковно-административное положеніе, тѣмъ не менѣе былъ не богословомъ, а — какъ онъ самъ выразился — солдатомъ, то его товарищъ былъ не толь-

¹⁾ Продолженіе. См. мартовскую кн. «Странника».

²⁾ Palmer. Notes of a visit to the Russian Church, Chapt. XXV.

ко богословомъ въ хорошемъ смыслѣ этого слова, но и человѣкомъ въ полномъ смыслѣ церковнымъ. Это былъ одинъ изъ немногихъ и къ сожалѣнію все болѣе рѣдѣющихъ у насъ представителей того типа образованныхъ свѣтскихъ людей, которые умѣютъ отыскать подъ сухими, повидимому, схоластическими формами нашей церковно-религіозной жизни родникъ живой воды и освѣжить имъ все свое нравственное существо. Въ западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, гдѣ религіозная жизнь, по извѣстнымъ историческимъ причинамъ, даетъ болѣе простора личному религіозному сознанию, такіе люди составляютъ обыкновенное явленіе, и этотъ фактъ служитъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ доказательствъ живаго взаимодѣйствія между жизнью и церковію. У насъ, напротивъ, богословскіе вопросы составляютъ почти исключительное достояніе духовныхъ или профессиональныхъ богослововъ, которые по самому существу своему не могутъ часто выходить изъ предѣловъ сухихъ тонкостей, недоступныхъ сознанию обыкновеннаго среднеобразованнаго общества. Поэтому свѣтское образованное общество у насъ живетъ можно сказать внѣ вліянія церковно-религіозныхъ идей, какъ можно судить даже по тому извѣстному факту, что наши духовныя періодическія изданія обращаются почти исключительно среди духовенства и тщетно борются съ непреклоннымъ равнодушіемъ къ себѣ свѣтскаго общества. Не распространяясь въ массѣ этого общества, православная богословская мысль тѣмъ съ болѣею энергіей иногда сосредоточивается въ немногихъ личностяхъ, отличающихся обыкновенно сильною даровитостью и философскимъ складомъ ума, и благодаря имъ наша богословская мысль не только находитъ соотвѣтственный проводникъ для проникновенія въ общественное сознаніе, но и дѣлаетъ, такъ сказать, исторію своего развитія. Въ значительной степени все это относится и къ Муравьеву, которому представился теперь англиканскій богословъ.

При первой встрѣчѣ бесѣда естественно не могла быть продолжительною и ограничилась нѣсколькими замѣчаніями съ той и другой стороны. Какъ человѣкъ строгаго, можно сказать, исключительнаго православнаго духа, Муравьевъ нѣсколько недовѣрчиво отнесся къ Пальмеру, имѣя въ виду

вторженіе въ англиканскую церковь крайнихъ протестантскихъ идей. Пальмеръ быстро понялъ его мысль и отвѣчалъ: «Какія бы опасности ни угрожали англиканской церкви, но протестантизмъ не принадлежитъ къ ихъ числу: это чудовище-мертво. И тутъ мы можемъ даже оказать нѣкоторую услугу русскимъ и грекамъ. Они теперь слишкомъ часто пользуются папистскими, лютеранскими и кальвинскими книгами,—и желаніе ихъ быть болѣе духовными, чѣмъ формальными или суевѣрными въ вопросахъ религіи породило протестантскія тенденціи, опасности которыхъ они не знаютъ. Мы же знаемъ эту опасность по долгому и печальному опыту, и теперь, наконецъ, умѣемъ находить даже въ свободномъ употребленіи Библии противодѣйствіе злоупотребленію Библіей»¹⁾.

Это предостереженіе Пальмера объ опасности протестантизма, имѣя свое безъотносительное основаніе, было уже едва ли примѣнимо къ тому времени, когда онъ былъ въ Россіи. Періодъ мистическихъ увлеченій тогда уже прошелъ и, какъ реакція, наступилъ противоположный ему періодъ увлеченія романскаго, неумѣреннымъ представителемъ котораго являлся графъ Протасовъ, и на высокомъ церковно-административномъ постѣ не освободившійся отъ слѣдовъ воспитанія въ іезуитской коллегіи²⁾.

Какъ богословски начитанный и образованный человѣкъ, А. Н. Муравьевъ могъ произвести только благопріятное впечатлѣніе на Пальмера, и англиканскій богословъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы серьезно поговорить съ нимъ о своемъ дѣлѣ. 21 сентября Пальмеръ отправился къ Муравьеву на домъ и тамъ у нихъ завязалась продолжительная богословская бесѣда. Прежде всего коснулись они вопроса объ отношеніяхъ церкви и государства и тутъ съ обѣихъ сторонъ обнаружилось недоразумѣніе, которое существуетъ впрочемъ и теперь. Муравьевъ утверждалъ, что англиканская церковь имѣетъ своимъ главою свѣтскаго госу-

¹⁾ Palmer, *ibid.* p. 131.

²⁾ Какіе практическіе плоды приносила эта тенденція, можно отчасти видѣть изъ интересной статьи И. Н. Корсунскаго о «Судьбахъ катихизисовъ Филарета, митрополита московскаго». («Русскій Вѣстникъ», 1883, январь; обстоятельный обзоръ ея въ «Странникѣ», мартъ, стр. 543 — 559).

даря, но что сказать то же самое о русской церкви было бы въ высшей степени нелѣпною клеветою. Насколько независимъ и высокъ церковный авторитетъ въ православной церкви, можно видѣть изъ того, — говорилъ Муравьевъ, — что даже Петръ Великій, государь съ непреклонной, желѣзной волей, подчинился авторитету восточныхъ патріарховъ и соблюлъ всѣ должныя формы при учрежденіи св. Синода. И въ настоящее время посвященіе во епископа производится не отъ имени императора, а во имя Христа; императоръ же только избираетъ одного изъ трехъ представляемыхъ ему кандидатовъ и ничего не можетъ рѣшать въ духовныхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ въ Англіи все зависитъ отъ королевской власти. «Я замѣтилъ, пишетъ Пальмеръ, что мы, англичане, часто говоримъ объ отношеніи церкви и государства въ Россіи точно такъ же, какъ онъ (Муравьевъ) говорилъ объ отношеніи церкви и государства въ Англіи, — истина же одинакова на той и другой сторонѣ: государство несомнѣнно нарушило права церкви» ¹⁾. Когда съ своей стороны англичанинъ сталъ ограничивать крайности русскаго взгляда на положеніе англиканской церкви въ отношеніи къ государству, то Муравьевъ воскликнулъ: «А! вы начинаете отрицать это *тeпeрb*, когда не только въ Англіи, но и вездѣ начинаютъ *gentrer dans l'ordre, ce torrent du protestantisme est passé* (входить въ обычный порядокъ, съ отливомъ потока протестантизма). То же вѣдь самое и у насъ въ Россіи».

Пальмеръ вручилъ потомъ своему русскому собесѣднику нѣсколько сочиненій англійскихъ богослововъ, англиканскій служебникъ (Common Prayer Book) и обѣщаль доставить изложеніе шотландской литургіи, желая, чтобы Муравьевъ не только основательно познакомился съ догматическимъ ученіемъ англиканской церкви, но и убѣдился, насколько распространенное мнѣніе о ней, какъ о чисто-протестантской общинѣ, не находитъ для себя оправданія въ ея символическихъ и литургическихъ книгахъ, которыя (напр. шотландская литургія) явно допускаютъ пресущественіе въ близкомъ къ православному смыслѣ этого слова.

¹⁾ Palmer, p. 161.

Когда затѣмъ рѣчь зашла о началахъ соединенія церквей и Пальмеръ предложилъ свой извѣстный принципъ: in necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus caritas (въ существенно-необходимомъ единство, въ сомнительномъ свобода и во всемъ снисходительность и любовь), ставшій съ легкой руки трактаріанистовъ девизомъ всѣхъ послѣдующихъ попытокъ къ единенію церквей ¹⁾, и когда онъ къ этому прибавилъ, что принципъ этотъ соотвѣтствуетъ духу церкви первобытной, апостольской, то Муравьевъ отвѣтилъ ему: «Въ настоящее время церковь уже не та, чѣмъ она была въ первые вѣка. Тогда въ ней было столько жизненности и силы, что все оставалось безъ точнаго опредѣленія; а теперь уже все распредѣлено, классифицировано и введено въ извѣстныя границы, и мы уже не должны измѣнять этихъ границъ. Я знаю, продолжалъ онъ, что за границей, и между прочимъ въ Англіи и особенно въ Оксфордѣ, замѣчается теперь тенденція къ распространенію очень широкихъ началъ каеоличности, но думаю, что греческая церковь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ менѣе способна отвѣчать вашимъ началамъ и приспособленіямъ, чѣмъ латинская. Латинская церковь имѣетъ центральную власть въ папѣ, которому все должно повиноваться, и онъ легко можетъ входить въ переговоры и объясненія, можетъ даже дѣлать извѣстныя уступки; для грековъ это невозможно,—они необразованы, и духовенство и міряне, и слѣпо привязаны ко всему, что у нихъ принято, даже къ мельчайшимъ частностямъ своихъ обрядовъ. Еслибы, при такомъ положеніи вещей, русскіе вошли въ какія-либо соглашенія съ англиканами, то единственнымъ слѣдствіемъ этого было бы то, что они потеряли бы общеніе восточныхъ патріарховъ».

— «Если дѣло вести не опрометчиво, замѣтилъ Пальмеръ, а привести доказательства на каждый пунктъ соглашенія съ обѣихъ сторонъ, изъ св. отцовъ, признаваемыхъ обѣими сторонами, то греческіе патріархи, можно надѣяться, не будутъ такъ неосновательны».

¹⁾ Принципъ этотъ служитъ девизомъ извѣстнаго уніонистскаго англійскаго журнала: The Foreign Church Chronicle and Review.

Но Муравьевъ покачалъ головой и сказалъ: «Вы не имѣете и понятія о томъ, до какой степени невѣжественно и нецивилизовано греческое духовенство; и у насъ впрочемъ въ Россіи не мало невѣжества, но, какъ бы то ни было, а тотъ, кто хочетъ входить въ общеніе съ восточною церковью, долженъ брать ее какъ она есть». Иллюстрируя свою мысль, Муравьевъ разсказалъ такой случай. Однажды онъ спросилъ константинопольскаго патріарха, въ чемъ собственно заключается ересь армянъ, которая казалась Муравьеву совсѣмъ неуволимой. «Армяне, объяснялъ онъ Пальмеру, въ дѣйствительности почти то же, что и мы, и теперь, когда Эчміадзинъ принадлежитъ Россіи, они легко могли бы быть соединены съ православною церковью, такъ какъ они ни мало не держатся дѣйствительной евтихіанской ереси». Но патріархъ такой отвѣтъ далъ на вопросъ Муравьева: «О, не спрашивай меня объ этомъ, сынъ мой! Знай только, что всѣ ереси міра, что ни на есть пагубныя и злыя, соединены въ ереси армянъ» ¹⁾. Указывая Пальмеру преграды, стоящія на пути къ соединенію церквей, Муравьевъ продолжалъ: «Такое общеніе, какого вы ищете теперь, было бы невозможнымъ. Если бы русское духовенство допустило васъ къ общенію (въ тайнствахъ), то сами англикане, считающіе русскихъ и грековъ варварами и идолопоклонниками, подняли бы противъ васъ крики за то, что вы приняли обряды греческой церкви, все равно какъ греки подняли бы крики противъ насъ, русскихъ, если бы мы вошли въ соглашеніе съ армянами. На этотъ предметъ вы смотрите особымъ образомъ. Вы видите, каковы тутъ предубѣжденія, и желали бы согласить объ стороны путемъ объясненія. Для васъ ясно, что нѣкоторые предметы тутъ не особенно важны, другіе могутъ быть соглашены, а иные и истинны и нѣтъ — при различныхъ точкахъ зрѣнія. Но народъ-то вообще этого не видитъ ни на той, ни на другой сторонѣ» ²⁾.

Черезъ нѣсколько дней Пальмеръ встрѣтился въ Синодѣ

¹⁾ Palmer, p. 166.

²⁾ Palmer, p. 167.

съ графомъ Протасовымъ, и сообщилъ ему, что занимается переводомъ на англійскій языкъ «Православнаго исповѣданія» Петра Могилы. Графъ замѣтилъ, что ему лучше бы перевести катихизисъ митрополита Филарета. Но у Пальмера была своя идея. «Мы имѣемъ въ виду, сказалъ онъ, издать всѣ существенные документы, чтобы дать полное понятіе о дѣйствительномъ состояніи богословія въ Россіи. Но въ этихъ документахъ оказывается нѣкоторое несоотвѣтствіе. Не только въ своемъ катихизисѣ вы избѣгаете опредѣленія пресуществленія посредствомъ «сущности» и «признаковъ», но даже и въ недавно изданномъ переводѣ XVIII членовъ іерусалимскаго собора измѣнили текстъ подлинника, чтобы избѣгнуть упоминанія о «признакахъ» (accidents), находящагося въ греческомъ текстѣ¹⁾. Между тѣмъ въ русскомъ переводѣ Православнаго исповѣданія, изъ котораго XVIII членовъ заимствовали этотъ терминъ...». «Мы удержали терминъ, который въ

¹⁾ Такъ какъ Пальмеръ часто и съ настойчивостью указываетъ на отличие русскаго перевода XVIII членовъ іерусалимскаго собора отъ греческаго подлинника, то для ясности считаемъ нелишнимъ представить здѣсь параллельно три текста этого мѣста въ ученіи о Евхаристіи въ «Изложеніи православнаго исповѣданія восточно-каатолической церкви»,—греческаго подлинника, перевода латинскаго и русскаго перевода:

<p>Ἐτι μετὰ τὸν ἀγιασμὸν τοῦ ἄρτου καὶ τοῦ οἴνου οὐκ ἐτιμένειν τῆν οὐσίαν τοῦ ἄρτου καὶ τοῦ οἴνου, ἀλλ' αὐτὸ τὸ σῶμα καὶ τὸ αἷμα τοῦ κυρίου ἐν τῷ τοῦ ἄρτου καὶ τοῦ οἴνου εἶδει καὶ τόπῳ, τὰ ὑπὸ τὸν εἰπέιν, ὑπὸ τοῖς τοῦ ἄρτου σὺμβεβηκόσιν.</p>	<p>Item facta panis et vinis consecratione nec panis nec vini manere amplius substantiam credimus, sed ipsum corpus et sanguinem domini sub panis et vini specie et figura, id est, sub panis accidentibus.</p>
---	---

Еще вѣруемъ, что по освященіи хлѣба и вина остаются уже не самый хлѣбъ и вино, но самое тѣло и кровь Господня, подъ видомъ и образомъ хлѣба и вина. (См. «Царская и Патріарш. Граматы», изд. 1838, стр. 53).

Какъ видно изъ этого сопоставленія текстовъ (подлинникъ и латинскій текстъ взяты изъ изданія Kimmel'я: Monumenta fidei Ecclesiae Orientalis 1850, p. 458), русскій синодальный переводъ опускаетъ терминъ τῆν οὐσίαν—substantiam и все заключительное пояснительное выраженіе, гдѣ въ подлинникѣ и въ латинскомъ переводѣ значится другой противоположный первому терминъ accidentibus, переданный соответствующимъ греческимъ словомъ σὺμβεβηκόσιν. Въ употребленіи этихъ терминовъ Пальмеръ усматриваетъ влияние римско-католической доктрины, въ которой существуетъ подобная же терминологія.

XVIII членахъ устранили,—это правда», — поспѣшно договорилъ графъ мысль Пальмера, и затѣмъ, перейдя къ характеристикѣ общаго состоянія востока, продолжалъ: «Мы стараемся на сколько можно поднять образованіе и здоровое ученіе, но велико господствующее невѣжество, особенно въ Греціи и Левантѣ,—народъ не размышляетъ, а слѣпо держится всего того, къ чему привыкъ. И въ самой Греціи тоже началось такое движеніе. Съ своей стороны мы предпринимаемъ изданія какъ на славянскомъ, такъ и на греческомъ языкахъ и даромъ разсылаемъ по церквамъ Леванта, чѣмъ и надѣемся укрѣпить тамошнее православное населеніе отъ натиска латинянъ и методистовъ. Мы издали такимъ образомъ церковные каноны на славянскомъ и греческомъ языкахъ, въ два столбца, «Православное исповѣданіе», Пространный и краткій «Катихизисы»—на греческомъ языкѣ. Если бы вы могли содѣйствовать намъ въ этомъ отношеніи, то было бы тѣмъ лучше», добавилъ графъ. Пальмеръ отвѣчалъ: «Мы должны бы съ своей стороны быть готовы къ этому, потому что желаемъ только истины и единства церкви; но у насъ нѣтъ другой силы и помощи, кромѣ той, какую можетъ дать намъ молитва и благодать Божія, такъ какъ гражданское правительство Англіи теперь скорѣе на сторонѣ папистовъ и протестантскихъ сектантовъ»¹⁾.

Сведя разговоръ на вопросъ о церковно-религіозномъ состояніи Англіи, графъ Протасовъ спросилъ Пальмера, какой изъ англиканскихъ элементовъ наиболѣе каеоличенъ (*most catholic*)? Пальмеръ на это замѣтилъ, что для него легче было бы указать тѣхъ, которые наименѣе каеоличны. «Пока наша церковь, говорилъ онъ, находилась подъясключительнымъ покровительствомъ государства, то даже благонамѣренные церковники называли церковь, и устно и письменно, главнымъ образомъ «священнымъ установленіемъ», хотя иногда можно было услышать и названіе «апостольской церкви». Но когда въ 1828 и 1829 годахъ совершилась перемѣна,—протестанты и диссентеры допущены были къ политической власти, и особенно когда билль о реформѣ 1832

¹⁾ Palmer, p. 170.

года предоставилъ торжество поддерживавшей ихъ партіи виговъ, то въ самой церкви началось возрожденіе тѣхъ католическихъ и апостольскихъ идей, которыя наши протестантствующіе политики въ теченіе полуторыхъ столѣтій постоянно старались истребить, призывая на престолъ сначала голландскаго кальвиниста, затѣмъ нѣмецкаго лютеранина». Эта политическая переменна, выразившаяся въ отнятіи у англиканской церкви исключительнаго преимущества и права на государственное покровительство, благотѣльнымъ образомъ подѣйствовала на церковно-религіозное сознаніе англичанъ, въ представленіи которыхъ, при полномъ подавленіи церкви государствомъ, затемнилось было самое понятіе о церкви и затерялось даже и самое названіе церкви, превратившейся въ простое «учрежденіе», въ родѣ одного изъ департаментовъ или министерствъ королевскаго правительства. «Люди послѣдняго поколѣнія, продолжалъ Пальмеръ, всѣ или почти всѣ еще называютъ свою церковь протестантскою или установленною церковью, или просто установленіемъ (establishment); но возрастающее поколѣніе духовенства все болѣе и болѣе оставляетъ употребленіе этихъ самоубійственныхъ и двусмысленныхъ названій и находитъ, что ему слѣдуетъ называть свою церковь просто православною, католическою, апостольскою и никакъ иначе, что во всѣхъ своихъ мысляхъ, словахъ и дѣйствіяхъ оно должно заботиться о единствѣ цѣлаго, а не просто трактовать о національной церкви, въ мѣстномъ, сектарномъ смыслѣ этого слова» ¹⁾. Графъ Протасовъ намекнулъ было, что это католическое движеніе есть дѣло ученаго кружка въ оксфордскомъ университетѣ и потому не можетъ имѣть большихъ шансовъ на будущее, но Пальмеръ успѣшилъ увѣрить его, что это движеніе имѣетъ гораздо болѣе глубокой источникъ и независимо отъ Оксфорда распространяется по всей Англіи.

Свѣтскіе представители русской богословской мысли, какъ бы ни высоко было церковное ихъ положеніе, не могли конечно вполне удовлетворить англійскаго богослова, и потому онъ старался войти въ сопрякосновеніе съ дѣйствительными

¹⁾ Palmer, p. 171.

представителями русской церкви. Первымъ такимъ представителемъ, съ которымъ пришлось Пальмеру встрѣтиться и обмѣняться богословскими воззрѣніями, былъ членъ св. Синода, протоіерей В. Кутневичъ, главный священникъ арміи и флота. Это былъ солидно образованный въ богословскомъ отношеніи человекъ, съ интересомъ вступившій въ объясненіе съ Пальмеромъ. Разговоръ происходилъ на латинскомъ языкѣ. Въ прежнее время неумѣнье изъясняться на новыхъ языкахъ находило счастливый противовѣсъ въ томъ прекрасномъ знаніи латыни, которая давалась нашею старою духовною школою. На западѣ латынь и до сихъ поръ пользуется правомъ гражданства въ ученыхъ кругахъ, и на различныхъ ученыхъ съѣздахъ, гдѣ собираются ученые различныхъ національностей, сплошь и рядомъ рѣчи говорятся на латинскомъ языкѣ, какъ международномъ и, такъ сказать, нейтральномъ языкѣ ученаго міра. У насъ же, по изгнаніи латыни, подъ вліяніемъ ложно понятаго реализма, образовалась въ этомъ отношеніи очень неудобная пустота, и представители нашей богословской мысли стараго времени, благодаря своей латыни, имѣли, можно сказать, больше средствъ къ умственному обмѣну съ западно-европейскимъ богословскимъ міромъ. Если бы не эта латынь, то Пальмеръ, которому не удалось пріобрѣсти основательнаго знанія русскаго языка, не имѣлъ бы никакихъ средствъ проникнуть во внутреннее святилище русской богословской мысли, какъ она выражалась въ лицѣ самобытныхъ представителей ея. На латинскомъ языкѣ и повелъ онъ, какъ мы сказали, продолжительную бесѣду съ протоіереемъ Кутневичемъ, которому былъ представленъ въ св. Синодѣ. Кутневичъ сказалъ, что онъ уже читалъ рекомендательную грамоту отъ магдаленской коллегіи и письмо Пальмера къ графу Протасову, вообще знакомъ съ намѣреніями Пальмера, и на счетъ его желанія получить общеніе въ таинствахъ русской церкви сряду замѣтилъ ему, что это возможно только при томъ условіи, если желающій общенія исповѣдуетъ полную вѣру во все, чему учитъ православная восточная Церковь. Протоіерей подчеркнул названіе *восточная*, и это сразу затронуло католическую идею Пальмера.

— «Все,—возразилъ онъ,—чему учитъ католическая или

вселенская церковь, а не то, что требуетъ признавать какая либо отдѣльная, западная или восточная или другая какая либо мѣстная церковь».

— «Онъ долженъ исповѣдывать, повторилъ протоіерей, ту же самую вѣру, которую исповѣдуетъ *Восточная Церковь*».

— «Я исповѣдую, по моему убѣжденію, одну и ту же вѣру съ восточной церковью,—сказалъ Пальмеръ; потому что каеолическая вѣра едина, на западѣ ли или на востокѣ. Если же между восточною и западною церквами нѣтъ согласія въ существенныхъ вачалахъ вѣры, то одна изъ двухъ сторонъ должна быть еретическою. Но я вѣрую, что церковь, отъ которой я прибылъ, и самъ я, православны и каеоличны, и церковь восточную мы считаемъ также православною и каеолическою. Слѣдовательно, британская церковь находитъ, что между нею и восточною церковью нѣтъ разногласія въ отношеніи къ существу вѣры»¹⁾).

По этому поводу между протоіереемъ Кутневичемъ и Пальмеромъ завязалась продолжительная богословская бесѣда, затронувшая всѣ тонкости догматической науки, но намъ нѣтъ надобности слѣдовать за нею во всѣхъ ея подробностяхъ. Наиболѣе оживленный характеръ бесѣда приняла въ вопросѣ о пресуществленіи, къ которому Пальмеръ съ особеннымъ постоянствомъ возвращался, стараясь, на основаніи открытой имъ разницы съ подлинникомъ въ русскомъ переводѣ XVIII-ти членовъ іерусалимскаго собора 1672 года, доказать различіе ученія Православной Церкви въ этомъ пунктѣ отъ ученія римской церкви и тѣмъ сблизить съ нимъ свое англиканское ученіе. Но попытка Пальмера какъ прежде, такъ и теперь оставалась тщетною. Протоіерей Кутневичъ отстаивалъ полное сходство православнаго ученія въ этомъ отношеніи съ римскимъ, и такъ какъ Пальмеръ не соглашался съ этимъ, то и самый вопросъ о допущеніи его къ таинству Евхаристіи въ православной Церкви протоіерей Кутневичъ рѣшалъ отрицательно. И трудно сказать, чтобъ онъ былъ неправъ въ этомъ отношеніи. Вопросъ о пресуществленіи имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе въ системѣ Церкви, чѣмъ какъ

¹⁾ Palmer, p. 133.

это можетъ показаться на первый взглядъ. Тѣмъ или другимъ взглядомъ на таинство Евхаристіи опредѣляется одинъ изъ существеннѣйшихъ принциповъ церкви. — оно, можно сказать, составляетъ жизненный нервъ ея, которымъ оживотворяется весь организмъ церковный. Протестантизмъ, отвергшій пресуществленіе въ таинствѣ Евхаристіи, тѣмъ самымъ подорвалъ этотъ нервъ истинно органической церковной жизни, и въ протестантствѣ прекратилась церковная жизнь въ собственномъ смыслѣ этого слова и началась просто жизнь общественная, предоставленная всѣмъ условіямъ обычной жизни. Какъ проникательный богословъ, Пальмеръ понималъ важность этого вопроса въ предпринятомъ имъ дѣлѣ, и потому понятна та настойчивость, съ какою онъ возвращался при каждомъ удобномъ случаѣ къ точному уясненію возрѣвнѣй русской богословской мысли на этотъ предметъ. И, надо сказать, представители русской богословской мысли постоянно оказывали при этомъ прочную обоснованность убѣжденія и, не смотря на всѣ увѣренія Пальмера, твердо стояли на почвѣ ученія о пресуществленіи, къ немалому смущенію англиканскаго богослова, который при такомъ отношеніи къ его возрѣвнѣю терялъ всякую надежду на возможность быть допущеннымъ къ общенію въ таинствахъ русской Церкви. Когда, въ заключеніе своей бесѣды съ Кутневичемъ, Пальмеръ еще разъ выразилъ желаніе, чтобы его допустили къ общенію въ таинствахъ на правахъ православнаго христіанина, то протоіерей просто замѣтилъ ему:

— У васъ тутъ есть свой собственный капелланъ, вамъ нѣтъ надобности приходить къ намъ.

— Какъ, развѣ англійская церковь можетъ быть въ вашей епархіи? — воскликнулъ затронутый сторонникъ идеальной каѳоличности или вселенскости.

— Да, но она здѣсь есть, — во всемъ согласная съ вашей церковью въ Англии, тѣ же самые обряды употребляющая, — какъ есть здѣсь церкви лютеранская, кальвинская, латинская, армянская, — всего, пожалуй, до двѣнадцати разныхъ церквей и исповѣданій.

— Я не признаю никакихъ такихъ исповѣданій, — отвѣчалъ Пальмеръ, — а только одно исповѣданіе, одну вѣру —

символическую. Въ одномъ мѣстѣ de jure не можетъ быть двухъ исповѣданій или двухъ епископовъ. Теперь я членъ не англійской церкви въ Россіи, а церкви русской, — по крайней мѣрѣ въ желаніи и намѣреніи. Если живущіе здѣсь англичане въ дѣйствительности отдѣлены, я не могу въ этомъ отношеніи оправдывать ихъ, равно какъ не могу оправдывать и васъ. Вашъ епископъ думаетъ, что если въ мірѣ и даже въ его епархіи существуетъ не одна церковь, а нѣсколько, то это какъ будто нисколько его не касается. Равнымъ образомъ и нашъ народъ, по прибытіи сюда, нисколько не обращаетъ вниманія на епископа мѣстности, а живетъ и дѣйствуетъ, какъ будто онъ привезъ саму Англію съ собою на кораблѣ.

— Конечно, въ одномъ мѣстѣ должна бы быть одна церковь,—отвѣчалъ протоіерей Кутневичъ:—и мы молимся объ осуществленіи этого. Но если бы мы на этомъ основаніи допустили англичанъ къ церковному общенію, при ихъ разномысліи съ нами въ важныхъ пунктахъ вѣры, то это было бы крайне опаснымъ и выше всякой мѣры смутило бы нашъ народъ. То же было бы даже и съ вами самими; вашъ народъ также несомнѣнно смутился бы и сталъ бы думать, что его епископы и пасторы заключили союзъ съ еретиками и идолопоклонниками. О, это причинило бы страшное смущеніе!... ¹⁾.

Такимъ образомъ при первой встрѣчѣ съ профессиональнымъ представителемъ русской богословской мысли Пальмеръ потерпѣлъ пораженіе, и его расплывчатая идея о теоретически созданной каеолоичности должна была отступить предъ фактомъ живаго, практическаго церковнаго самосознанія. Впрочемъ богословская мысль въ Россіи никогда не ограничивалась однимъ какимъ-либо строго обозначеннымъ направленіемъ, которое бы исключало всякую возможность разности воззрѣній. Напротивъ въ ней всегда существовало, по крайней мѣрѣ со времени встрѣчи ея съ западною богословскою мыслью, два главныхъ направленія,—два, такъ сказать, русла въ ея теченіи,—первичными выразителями которыхъ яв-

¹⁾ Palmer, p. 158.

ляются типическіе представители богословской мысли петровскаго времени. Выходя изъ одного и того же источника, самобытнаго русскаго церковнаго самосознанія, эти два теченія, подъ вліяніемъ особенныхъ условій нашей культурной жизни, направляются противъ двухъ противоположныхъ системъ западной церковности — римскаго католицизма и протестантства, отчего каждое изъ этихъ теченій получаетъ особый своеобразный колоритъ. При отсутствіи у насъ выработанныхъ школъ богословской мысли, эти два направленія имѣютъ важное значеніе въ развитіи нашего религіозно-богословскаго сознанія, подобно тому, какъ существующія у насъ западническое и славянофильское направленія имѣютъ важное значеніе въ развитіи нашего общественнаго и литературнаго самосознанія. Пальмеру на первыхъ же порахъ пришлось встрѣтиться съ представителями обоихъ этихъ направленій. Если въ протоіереѣ Кутневичѣ онъ встрѣтилъ чловѣка строгой формы ортодоксальнаго типа, предъ церковнымъ возрѣніемъ котораго терялась «каеолическая» теорія Пальмера, то съ другой стороны въ священникѣ Исаакіевскаго собора Маловѣ онъ встрѣтилъ, такъ сказать, богослова-западника, который въ своихъ возрѣніяхъ смѣло переступалъ предѣлы строгой ортодоксіи. Когда зашла рѣчь объ истинной церкви и объ отношеніи къ ней наличныхъ вѣроисповѣдныхъ формъ, то Пальмеръ пришелъ въ немалое смущеніе, когда о. Маловъ высказалъ, что по его личному мнѣнію истинные христіане находятся во всякой церкви и общинѣ, такъ какъ религія сердца важнѣе всего.

А. Лопухинъ.

(Продолженіе будетъ).

Церковно-религіозна жизнь и богословская мысль въ Россіи

по запискамъ Пальмера.

IV ¹⁾

Русское монашество въ сравненіи съ западнымъ. — Посѣщеніе Пальмеромъ Сергіевской пустыни. — Первые впечатлѣнія. — Взглядъ на отношеніе церквей. — Исключительность міросозерцанія. — Взглядъ на отношеніе церкви и государства. — Характеристика митрополита Филарета московскаго и членовъ Синода. — Оксфордское ученіе о значеніи церковныхъ формъ. — Русскій молебенъ у лютеранскаго суперъ-интендента. — Неудавшаяся попытка церковнаго общенія.

Скоро послѣ первыхъ встрѣчъ съ свѣтскими и духовными представителями русской богословской мысли, Пальмеру пришлось познакомиться съ русскою монастырскою жизнью.

Русское монашество есть несомнѣнно одно изъ своеобразнѣйшихъ проявленій нашей церковно-религіозной жизни. Если одною изъ отличительныхъ чертъ русской и вообще восточной религіозной жизни служить похвальная твердость въ держаніи преданій, то въ монашествѣ эта твердость достигаетъ высшихъ предѣловъ, въ которыхъ при извѣстныхъ условіяхъ она принимаетъ даже характеръ инертности религіознаго чувства и косности богословской мысли, что часто даетъ поводъ къ подведенію самой сущности православнаго монашества подъ категоріи этихъ понятій. Такъ смотрятъ на наше монашество иностранцы, для которыхъ не понятенъ внутренній смыслъ этого рода жизни, а за ними и нѣкоторые наши западничающіе мыслители. Русское монашество рѣзко отличается отъ западнаго и на первый взглядъ оно далеко уступаетъ послѣднему въ своемъ значеніи, какъ одного изъ могучихъ факторовъ нравственно-религіозной жизни. Но чтобы правильно оцѣнить сравнительное значеніе этихъ факторовъ, недостаточно простаго сопоставленія наличныхъ плодовъ ихъ

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую книгу «Странника».

внѣшней производительности, а нужно принять во вниманіе тѣ религіознобытовые и культурныя условія, при которыхъ приходится жить и дѣйствовать учрежденіямъ, и главнымъ образомъ ту идею, изъ которой выходитъ то или другое учрежденіе. Мы удивляемся необычайной энергіи монашескихъ орденовъ римско-католической церкви, ихъ обширной благотворительной и педагогической дѣятельности, при сравненіи съ которою соотвѣтствующей дѣятельности нашего монашества невольно срывается улыбка презрительнаго негодованія изъ устъ нашей западнической печати. Но такой взглядъ обнаруживаетъ полнѣйшее непониманіе существеннѣйшаго характера православнаго монашества въ сравненіи съ римско-католическимъ, — характера, который прежде всего обуславливается разностью коренной идеи, лежащей въ основѣ той и другой церковной системы. Римскій католицизмъ по своей сущности есть система церковной олигархіи, въ которой строжайшимъ образомъ церковный элементъ разграничивается отъ общественнаго съ цѣлію сосредоточенія всѣхъ отправленій власти въ церковной іерархіи, съ высшимъ олицетвореніемъ ея въ папствѣ. Чтобы окончательно порвать органическую связь церковной олигархіи съ обществомъ, папство ввело обязательное безбрачіе въ духовенствѣ, сдѣлавъ послѣднее послушнымъ орудіемъ церковной администраціи и давъ ему наблюдательную роль по отношенію къ религіозной совѣсти приходовъ для постоянного содержанія ея въ состояніи суевѣрнаго благоговѣнія предъ высшимъ выразителемъ церковной системы. Но общественная жизнь не ограничивается элементарными отправленіями прихода, проявленія ея безконечно разнообразны и далеко выходятъ за предѣлы приходской сферы. Еслибы агенты папской власти ограничивались только наблюденіемъ надъ отправленіемъ приходской жизни, то всѣ болѣе общія и важныя отправленія общественной и народной жизни оказались бы внѣ ея контроля, — по естественному закону развитія, потребности общественной жизни выработали бы своихъ независимыхъ агентовъ, дѣятельность которыхъ обуславливалась бы единственно этими живыми потребностями, независимо отъ всякой посторонней системы, въ данномъ случаѣ — папства. Въ числѣ этихъ сложныхъ отправ-

лений общественной жизни на первомъ планѣ стоитъ народное образованіе. Въ чьихъ рукахъ народное образованіе, въ рукахъ тѣхъ и власть народная: истина эта имѣетъ слишкомъ реальный характеръ, чтобы папская система упустила ее изъ вида, и такъ какъ обыкновенныхъ церковныхъ силъ было бы далеко недостаточно, чтобы захватить въ свои руки этотъ источникъ народной власти, то папская система и выдвинула на эту дѣятельность легіоны своихъ мужскихъ и женскихъ орденовъ, которые, оставивъ первоначальную идею монашества, всецѣло отдались практической дѣятельности въ сферѣ важнѣйшихъ отправленій народной жизни. Дѣятельность эта несомнѣнно почтенна и служить могущественнымъ рычагомъ культурнаго подъема низшихъ классовъ народа, находящаго въ безчисленныхъ монастыряхъ даровую для себя школу. Но лишь только эта дѣятельность переступаетъ элементарныя предѣлы народнаго образованія, какъ тотчасъ обнаруживается ея внутренній характеръ, обусловливающийся ея служебнымъ отношеніемъ къ папской системѣ. Вся просвѣтительная и благотворительная дѣятельность западныхъ монашескихъ орденовъ, такъ блистательная по своей заманчивой внѣшности, въ своемъ послѣднемъ выводѣ есть не что иное, какъ колоссальная работа папства въ пользу своего господства надъ совѣстью подчиненныхъ ему народовъ. Потому-то, при всякомъ пробужденіи національнаго духа, народъ стремится прежде всего освободиться отъ этой даровой школы монашескихъ орденовъ, и гоненіе на іезуитовъ во Франціи въ послѣднее время служить яркимъ тому доказательствомъ.

Совершенно иной характеръ имѣетъ православное, и въ частности русское монашество. Въ то время какъ западное монашество, сдѣлавшись служебнымъ орудіемъ системы папства, приняло практическій характеръ и захватило въ свои руки различныя общественныя отправленія съ цѣлю направленія ихъ въ духъ папской системы, православное монашество неизмѣнно сохраняетъ свой первоначальный характеръ чисто религіозныхъ общинъ, имѣющихъ своею конечною цѣлю исключительно религіозно-нравственное воспитаніе народа. И такой характеръ вполне сообразенъ съ внутреннимъ существомъ системы православія. Пра-

вославіе и римскій католицизмъ—это двѣ совершенно противоположныя системы, два противоположныхъ міросозерцанія, неясное пониманіе сущности которыхъ производитъ невообразимую путаницу въ понятіяхъ лицъ, берущихъ на себя смѣлость въ нашей литературѣ трактовать о серьезныхъ церковно-общественныхъ вопросахъ. Если папская система, основанная на развалинахъ языческой римской имперіи и усвоившая себѣ коренившуюся въ послѣдней идею міроваго владычества, представляетъ собою церковную олигархію, рѣзко отдѣленную отъ «міра» и смотрящую на послѣдній какъ на объектъ своего исключительнаго господства, для осуществленія котораго ею пущенъ въ ходъ весь многосложный механизмъ своихъ административныхъ силъ, — то въ противоположность этому идея, лежащая въ основѣ православнаго церковнаго міросозерцанія, есть вполне идея общественная. Православная церковь не есть какая-либо іерархическая корпорация, которая въ силу такой своей корпоративной отчужденности отъ остальнаго общества принуждена бы была устроить различныя *modus'ы vivendi*, какъ это постоянно бываетъ съ римскимъ католицизмомъ. Напротивъ, наша церковь есть *церковь* въ полномъ и первоначальномъ смыслѣ этого слова, есть *Ἐκκλησία* въ древнегреческомъ, народномъ смыслѣ ¹⁾). Она есть само общество, хотя общество избранныхъ, т. е. вѣрующихъ. Іерархія въ ней, по своей сущности, не противоположна остальному обществу, а есть только высшая представительница его, высшій органъ религіознаго сознанія этого самаго общества, и имѣетъ основаніе своего существованія въ томъ неизмѣнномъ законѣ общественнаго развитія, по которому всякое общество имѣетъ высшій органъ своего самосознанія, подобно тому, какъ всякій организмъ имѣетъ голову, или центральный пунктъ своей жизни и движенія. При такомъ совпаденіи идеи церкви въ православномъ смыслѣ съ идеею общества, естественно между ними, при здоровомъ состояніи всего общественнаго организма, не можетъ быть никакого антагонизма, и потому церкви, въ спе-

¹⁾ Пѣла ἡ Ἐκκλησία Ἰσραήλ, говорятъ напр. LXX толковниковъ, употребляя это слово въ смыслѣ всенароднаго собранія. 1 Мавкав. IV, 59.

цифическомъ смыслѣ, нѣтъ никакой надобности усиливаться захватывать тѣ или другія отправления общественной жизни въ свои руки для направленія ихъ въ духъ своей исключительной системы. Всѣ эти отправления она спокойно можетъ предоставить самому обществу, оставляя за собою лишь самый общій надзоръ за ихъ нравственнымъ развитіемъ и ту спеціальную часть ихъ, которая имѣетъ безспорно церковный или религіозно-нравственный характеръ, какъ на примѣръ въ системѣ народнаго образованія преподаваніе Закона Божія ¹⁾. Отсюда нашей церкви нѣтъ надобности возлагать на монашество несвойственной ему общественно-практической дѣятельности, и оно можетъ безпрепятственно служить своей первоначальной идеѣ—давать исходъ тѣмъ созерцательнымъ, нѣжнымъ, энтузіастическимъ натурамъ, душа которыхъ не можетъ мириться съ пошлостью обыденной общественной жизни и рвется въ мирное царство уединенія—въ область жизни духа и созерцанія. Современная дѣйствительность русскаго монашества конечно далека отъ своего идеала, но судить его вужно не съ точки зрѣнія узкаго практицизма, какъ это обыкновенно дѣлается, а съ точки зрѣнія его дѣйствительнаго православнаго идеала, отъ котораго оно уклонилось и впало въ состояніе косности мысли и отупѣнія живаго религіознаго чувства. Тѣмъ не менѣе въ нашихъ монастыряхъ доселѣ незримо идетъ созерцательная работа разума и лучшія произведенія умозрительной богословской мысли у насъ доселѣ выходили и выходятъ изъ монастырей, и если въ самое послѣднее время замѣчается прискорбное оскудѣніе чистой богословской мысли, то это оскудѣніе идетъ параллельно съ оскудѣніемъ интеллектуальнаго элемента въ нашихъ монастыряхъ, устарѣлая организациія которыхъ мало благопріятствуетъ свободной жизни просвѣщеннаго духа.

Какъ иностранцу, привыкшему къ западно-европейскимъ формамъ церковно-религіозной жизни, Пальмеру, конечно,

¹⁾ Та педагогическая и благотворительная дѣятельность, которая на западѣ находится въ рукахъ монашескихъ орденовъ, по идеѣ прав. Церкви лежитъ на самомъ обществѣ, которое, посредствомъ организациіи свободныхъ «братствъ» и «союзовъ», при большой энергіи, могло бы соперничать съ римско-ватолическими орденами. Если же этого нѣтъ, то монашество тутъ ни при чемъ.

трудно было составить вполне безпристрастный и объективный взгляд на русское монашество, хотя это гораздо простительнѣе ему, чѣмъ нашимъ русскимъ иностранцамъ. Тѣмъ не менѣе его просвѣтленное «каволическою» теоріею чувство дало ему возможность уловить главный мотивъ этой стороны нашей церковной жизни и избавило его отъ грубыхъ промаховъ въ сужденіяхъ о ней, столь обычныхъ въ иностранной литературѣ. Это быть можетъ отчасти объясняется и тѣмъ, что ему пришлось составлять свое мнѣніе лишь по нѣкоторымъ крупнымъ наблюденіямъ, въ сферу которыхъ входили можно сказать образцовыя формы нашей монастырской жизни, въ обихѣ нашихъ столицахъ.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, Пальмеръ имѣлъ случай довольно близко познакомиться съ жизнью Сергіевской Пустыни, находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы, и воспоминанія о ней занимаютъ нѣсколько главъ въ его книгѣ. Тамъ онъ близко сошелся съ настоятелемъ Пустыни, извѣстнымъ архимандритомъ Брянчаниновымъ, и нѣсколькими монахами, говорившими по французски, и въ пріятныхъ бесѣдахъ съ ними провелъ нѣсколько дней, изучая міросозерцаніе русскаго монашества и его обыденную жизнь.

Въ Сергіевскую Пустынь Пальмеру пришлось попасть на одинъ изъ торжественныхъ монастырскихъ праздниковъ, когда въ нее прибываетъ много посѣтителей изъ столицы. Туда онъ отправился вмѣстѣ съ А. Н. Муравьевымъ, отслушавъ обѣдню, во время которой ему позволили стоять въ алтарѣ, и затѣмъ участвовалъ въ общей закускѣ и на обѣдѣ, приготовленномъ для посѣтителей гостепріимною братіею Пустыни. Пальмеръ съ видимымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ эту общительность нашихъ монастырей, съ любопытствомъ описываетъ «*riogoi*», которые онъ тамъ ѣлъ, и «*quass*», который пилъ, замѣчая при этомъ, что *quass*—самый любимый въ Россіи напитокъ, но совсѣмъ не хмѣльной, и если между русскими можно встрѣтить очень много пьяныхъ, то это зависитъ совсѣмъ не отъ того, что русскіе любятъ *quass*, какъ сначала думалъ ученый англійскій богословъ, а оттого, что они еще любятъ «*vodka*».

Благодаря любезности монаховъ, Пальмеръ получилъ въ

свое распоряженіе отдѣльную келью, изъ которой онъ дѣлалъ богословскія экскурсіи къ архимандриту Брянчанинову и другимъ монахамъ. Въ своихъ бесѣдахъ монахи обнаруживали болѣе опредѣленный и строгій взглядъ на церковныя отношенія, чѣмъ какой встрѣчалъ Пальмеръ дотолѣ, и даже нѣкоторыя черты корпоративной исключительности въ міросозерцаніи. Когда, въ бесѣдѣ съ архимандритомъ и другими монахами, вопросъ зашелъ объ отношеніи церквей и Пальмеръ изложилъ свою теорію вѣтвей каеолическихъ церквей, то его русскіе собесѣдники рѣшительно отрицали эту теорію и утверждали, что ихъ церковь есть вся каеолическая церковь, единственная церковь, представляющая вселенскіе соборы и содержащая истинную православную каеолическую вѣру, цѣлостную и неизмѣнную, между тѣмъ какъ латинская община и всѣ западные христіане повинны не только во второстепенныхъ заблужденіяхъ и злоупотребленіяхъ, но и въ ереси касательно ученія объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына, своевольно внесеннаго ими въ Символъ вѣры. Отступничество западнаго міра отъ истинной церкви, по мнѣнію собесѣдниковъ Пальмера, произошло не сразу, а постепенно, въ различные періоды. Они обвиняли латинянъ въ искаженіи всѣхъ тѣхъ мѣстъ въ твореніяхъ латинскихъ отцовъ, жившихъ до раздѣленія, на которыхъ основывается теперь латинское ученіе, и не вѣрили тому, чтобы папа Левъ III, осуждая вставку въ Символъ вѣры, въ то же время допускалъ, какъ утверждаютъ латинскіе писатели, что самое ученіе этой вставки истинно. Что касается отношенія церквей, то оно выражалось въ общеніи ихъ между собою по временамъ даже послѣ обнаруженія этой разности въ доктринѣ, но это объясняется тѣмъ, что латинская ересь не получила еще своего полного развитія, и притомъ латвiane при каждой попыткѣ къ воссоединенію старались замаскировывать истинную сущность своего ученія, а восточные, привыкши къ общенію и мало приходя въ дѣйствительное соприкосновеніе съ латинянами, благодаря различію въ языкѣ и обрядахъ, не могли сразу понять, что заблужденіе сдѣлалось общимъ и неисправимымъ на западѣ.

— «Если это такъ, возразилъ Пальмеръ, то почему же вы

доселѣ называете свою церковь *восточною*, когда вы должны бы называть ее католическою или вселенскою церковью и должны бы въ молитвѣ и дѣйствіи ревновать о наставленіи и возвращеніи къ истинному ученію такой огромной части христіанскаго міра, которая по вашему мнѣнію впала въ ересь?« Надо замѣтить, что Пальмеръ, идеально настроенный оксфордскою доктриною въ отношеніи воззрѣнія на церковь и искавшій католической или вселенской церкви, постоянно приходилъ въ немалое смущеніе, когда въ бесѣдахъ съ русскими ему приходилось постоянно слышать отъ послѣднихъ названіе своей церкви не католическою или вселенскою, а просто восточною, русскою, грекороссійскою или православною. Послѣднее названіе, на взглядъ Пальмера, еще нѣсколько указывало на католическое сознаніе, но оно въ то же время было такъ общо и неопредѣленно, въ виду того, что всякая церковь и община называетъ саму себя православною или правовѣрною (*orthodoxe*), — что въ немъ еще никакъ нельзя было видѣть конкретнаго сознанія католичности. Что же касается другихъ названій, то они для идеально-настроеннаго слуха оксфордскаго богослова положительно звучали какимъ-то мѣстнымъ сепаратизмомъ, національною и вѣроисповѣдною исключительностью, не имѣющею ничего общаго съ католическимъ сознаніемъ. Но что еще болѣе смущало Пальмера, такъ это то, что его русскіе собесѣдники постоянно прилагали священное для него названіе «католическая церковь» не къ своей церкви, а къ римской, называя послѣднюю «католическою» церковью. Пальмеръ неоднократно указываетъ на это неправильное словоупотребленіе, говоритъ, что оно обнаруживаетъ полнѣйшее несоотвѣтствіе мысли и слова и питаетъ гордое чувство латинянъ, которые въ этомъ видятъ невольную дань уваженія со сторовы восточныхъ схизматиковъ къ истинно-католической т. е. римской церкви. Словоупотребленіе это у русскихъ такъ однакоже укоренилось, что замѣчанія Пальмера не сразу были понимаемы его русскими собесѣдниками, и только послѣ развитія Пальмеромъ его теоріи католичности начинались объясненія, въ свою очередь мало понятныя англійскому богослову, что на русскомъ языкѣ слова католическій (*catholic*) и католическій (*catholic*)

имѣютъ особый специфическій смыслъ, отличный отъ первоначальнаго греческаго смысла этого слова ¹⁾). На высказанный теперь Пальмеромъ упрекъ въ узкомъ націонализмѣ, который будто бы выражается въ названіи Православной Церкви восточною, монахи основательно отвѣчали: «Наша церковь есть воистину вся Православная каеологическая церковь и она такъ отличительно называетъ себя; а названіе восточная, употребленное теперь нами, не обозначаетъ какого либо пространственнаго ограниченія, какъ это было нѣкогда, а скорѣе означаетъ историческое и мѣстное происхожденіе, потому что Христіанство происходитъ съ востока: *Ex Oriente lux*; мы молимся къ востоку, мы ожидаемъ Христа съ востока и Самъ Христосъ есть превѣчный Востокъ. Отъ запада отвращается оглашенный, когда онъ долженъ креститься, и отрывается такимъ образомъ царства тьмы».

На это съ своей стороны англійскій богословъ сказалъ:

— «Если это такъ, то вы должны бы послать миссіонеровъ для обращенія насъ. И однакоже не представляется ли очень труднымъ предполагать, что половина видимой церкви дѣйствительно тысяча лѣтъ тому назадъ впала въ ересь, и при всемъ томъ, въ теченіе столькихъ вѣковъ, не только продолжала существовать, но и возросла далеко больше истинной Православной Церкви, такъ что теперь относится къ ней какъ двѣ трети къ одной трети? И притомъ произвела столькихъ мужей замѣчательной святости, показала столько могучей и разнообразной энергіи и пережила столько бурь и лишевій, со времени отдѣленія? На эту тираду Пальмеръ услышалъ отъ своихъ собесѣдниковъ въ отвѣтъ, что они не признаютъ за западную церковію, со времени ея отдѣленія, ни святыхъ, ни чудесъ; но тѣмъ не менѣе они признавали за нею нѣкоторое церковное существованіе и сравнивали ее съ десятью колѣнами израильскими, отдѣлившимися отъ царства Іудейскаго, и даже намекали на возможность новаго вселенскаго собора, который бы возстановилъ единеніе. По ихъ мнѣнію Римская церковь, съ папою во главѣ, могла бы современемъ возстановить свои полныя права и свое мѣсто во

¹⁾ Palmer, pp. 179, 249, 310 и др.

вселенской церкви, еслибы она исправила свои ошибки и подчинилась опять вселенскимъ канонамъ, противъ которыхъ она возстала ¹⁾).

Вникая во внутреннюю жизнь русскаго монастыря, Пальмеръ замѣчалъ въ ней преобладающее господство духа аскетизма, вытекавшаго не изъ склада вѣдшихъ условій жизни, а изъ самыхъ наклонностей его обитателей. Самъ настоятель Пустыни, смѣнившій блестящій военный мундиръ на монашескую мантию, былъ строгимъ аскетомъ по призванію, и аскетическое богословіе, по наблюденію Пальмера, было его любимымъ предметомъ. При наблюденіи у англійскаго богослова не преминула проскользнуть западная теорія монашества и онъ полюбозытствовалъ узнать о литературныхъ и педагогическихъ трудахъ обитателей монастыря. На это русскіе монахи отвѣчали ему, что у нихъ мало книгъ въ библиотекѣ и научная дѣятельность не относится къ ихъ прямой обязанности, что ихъ дѣло не заниматься ученою или вообще какою нибудь дѣятельностью, хотя бы на служеніе религіи, но отправлять богослуженіе и жить прежде всего для спасенія своихъ собственныхъ душъ и затѣмъ также молиться объ остальномъ мірѣ. Когда же затѣмъ Пальмеръ выразилъ мысль, что гораздо лучше было бы обратить вѣкоторыя изъ монастырей въ ученныя и дѣятельныя общины, то монахи настойчиво повторяли, что молитва и благочестіе гораздо дѣйствительнѣе всякой учености и дѣятельности всякаго рода. Если Пальмеръ вѣрно передалъ эти мысли своихъ собесѣдниковъ (нѣкоторыя выраженія прямо обнаруживаютъ тенденціозную прикрашенность, неизбѣжную для иностранца), то тутъ нельзя не видѣть той косности богословской мысли, въ какую впало наше монашество. Идея православнаго монастыря, какъ убѣжища для энтузіастическихъ натуръ отъ грубыхъ условій обыденной жизни, нисколько не исключаетъ науки, а напротивъ, въ этомъ царствѣ духа и должна бы по преимуществу процвѣтать наука и всякая книжная мудрость, такъ какъ тутъ мысль наиболѣе свободна отъ тяжкихъ цѣпей, которыми часто сковываетъ и тормозитъ ее обыкновенная практическая

¹⁾ Palmer, pp. 95—97.

жизнь. Въдъ было же на Руси время, когда наши монастыри стояли во главѣ умственныхъ и литературныхъ движеній, и если теперь, съ развитіемъ общественнаго сознанія, умственная дѣятельность спеціализировалась и нашла въ самомъ обществѣ разнообразныя органы своего проявленія и развитія, то богословская мысль все-таки должна бы имѣть своимъ источникомъ наши монастыри, и если въ нихъ въ настоящее время оскудѣла богословская мысль, то это служить достаточнымъ признакомъ ихъ ненормальнаго состоянія. Этотъ недостатокъ умственной жизни въ нашихъ монастыряхъ повелъ къ той исключительности монастырскаго міросозерцанія, по которому все немонашеское стало подвергаться нѣкоторому пренебреженію и подозрѣнію. Когда Пальмеръ замѣтилъ монахамъ, что церковь нуждается не только въ молитвѣ, но и въ умственной дѣятельности, то его собесѣдники, отстаивая свой взглядъ, обнаруживали нѣкоторую непріязнь къ современнымъ требованіямъ умственной жизни.

«Бѣлое духовенство, говорилъ одинъ изъ нихъ, заражено либерализмомъ. Оно читаетъ лютеранскія и другія вредныя иностранныя книги, и сами епископы, хотя они теперь лучше, чѣмъ были въ прошломъ столѣтіи, не сочувствуютъ монашеству въ истинномъ смыслѣ этого слова. Только пятеро изъ пятидесяти (между ними митрополитъ кіевскій) покровительствуютъ монахамъ, и это потому, что, хотя по своему званію они сами монахи, но они большею частью академисты и находятся подъ свѣтскими вліяніями» ¹⁾). А въ другой разъ эта исключительность монашескаго міросозерцанія выразилась еще рѣзче. Когда рѣчь зашла вообще о нравственномъ и религіозномъ состояніи внѣ-монастырскаго міра, то монахи говорили Пальмеру: «Нравственность столицы достойна Вавилона; тамъ идутъ театры, балы и маскарады, о которыхъ не знали въ Россіи до Петра I. Наше духовенство чрезвычайно легко поддается новымъ и страннымъ мнѣніямъ, читаетъ книги неправославныхъ и даже невѣрующихъ сочинителей, лютеранъ и другихъ. Духовная академія заражена новшественными началами, и даже «Христіанское Чтеніе»

¹⁾ Palmer, p. 202:

заражено ими, хотя въ немъ и печатаются многіе переводы изъ древнихъ отцовъ. Россія пожалуй находится, насколько намъ извѣстно, недалеко отъ взрыва въ ней еретическаго либерализма. У насъ есть хорошая виѣшность: мы сохранили всѣ обряды и символъ первобытной церкви; но все это—мертвое тѣло, въ немъ мало жизни. Бѣлое духовенство насильно сдерживается въ лицемѣрномъ православіи только боязнью народа» ¹⁾).

Приведенныя тирады отдають такую исключительность, что даже кардиналъ Ньюманъ нашелъ нужнымъ по поводу ихъ сдѣлать замѣчаніе, что «у всякаго народа есть партіи и классы съ своимъ особымъ *esprit de corps* (корпоративнымъ духомъ), съ своими традиціями, антагонизмами и пр., и потому нельзя принимать буквально всего того, что говорили эти добрые монахи» ²⁾).

Но, благодаря этой именно исключительности, въ сознаніи монашества тверже живетъ преданіе стараго церковнаго строя и больнѣе чувствуется уклоненіе отъ него. Когда на жалобу одного изъ монаховъ на то, что правительство отобрало у монастырей имущество, Пальмеръ выразилъ мысль, что было бы желательно опять дать монастырямъ имѣнія, чтобы сдѣлать ихъ болѣе независимыми отъ свѣтской власти, то его русскій собесѣдникъ отвѣтилъ: «Э-э, въ чемъ мы нуждаемся, такъ это—въ патріархѣ. Въ настоящее же время Протасовъ у насъ патріархъ, хотя онъ и солдатъ, — и это потому, что онъ представитель государя. Онъ ѣздитъ по баламъ и театрамъ, прекрасно танцуетъ и вообще *un très galant homme*—но....». Пальмеръ началъ было объяснять, что графъ Протасовъ по своему положенію не что иное, какъ древнегреческій великій Логоетъ (*ὁ μεγας Λογοθέτης*), но монахъ стоялъ на своемъ и говорилъ, что «при теперешнемъ порядкѣ вещей если бы на примѣръ *всѣ* епископы возставали противъ какого-нибудь опаснаго нововведенія, это было бы бесполезно, если только Синодъ не будетъ на ихъ сторонѣ; а если бы Синодъ вздумалъ подъ вліяніемъ свѣтской власти сдѣлать

¹⁾ Palmer, p. 205, 206.

²⁾ Palmer, p. 202, примѣч.

что-нибудь вредное въ церковномъ отношеніи, то этому пришлось бы подчиняться, только бы чрезъ это усилился расколъ. Говоря о наличномъ составѣ Синода, монахъ находилъ дурнымъ, что въ число членовъ его допущены два священника, на равной ногѣ съ епископами. «Единственнымъ оправданіемъ этого, продолжалъ собесѣдникъ Пальмера, можетъ служить то, что эти священники въ Синодѣ могутъ быть полезными въ качествѣ представителей женатаго духовенства, при уясненіи нуждъ, связанныхъ съ его состояніемъ, такъ какъ всѣ остальные члены Синода монахи». Заговоривъ о членахъ Синода, монахъ естественно не могъ не охарактеризовать для иностранца самаго замѣчательнаго въ то время члена его, Филарета московскаго. «Филаретъ московскій, сказалъ онъ, сдѣлался архіепископомъ въ 30 лѣтъ отъ роду, тогда какъ по регламенту Петра Великаго монахъ въ этомъ возрастѣ могъ только сдѣлаться іеромонахомъ. Онъ тонокъ и изворотливъ, такъ что можетъ весь Синодъ повертывать вокругъ своихъ пальцевъ и заставить его признавать черное бѣлымъ. За что бы онъ ни взялся, все будетъ сдѣлано, то есть—если одобрить графъ Протасовъ. Онъ необыкновенно хорошъ на своемъ теперешнемъ мѣстѣ, именно на второмъ; но сохрани насъ Богъ, чтобы онъ сдѣлался митрополитомъ Петербургскимъ! Онъ честолюбивъ, и я опасаюсь, что если бы графъ Протасовъ задумалъ какое-нибудь нововведеніе, онъ сталъ бы на его сторону и повлекъ бы за собою всѣхъ остальныхъ. Но онъ совершенно православенъ. Старый митрополитъ Серафимъ—нуль. Митрополитъ Филаретъ Кіевскій—покровитель монаховъ, превосходный и строго православный человекъ, но, любящій уединеніе и некраснорѣчивый. Муравьевъ ведетъ строгую жизнь, отличную отъ другихъ, и пожалуй недалеко отъ вступленія въ монашество. Онъ товарищъ оберъ-прокурора, а быть товарищемъ оберъ-прокурора лучше чѣмъ быть архимандритомъ, или даже чѣмъ епископомъ, даже архіепископомъ или митрополитомъ», — смѣясь, шелъ въ быстрой прогрессіи собесѣдникъ Пальмера. Вообще по его мнѣнію теперешнія отношенія между церковью и государствомъ въ Россіи далеко уклонились отъ своего идеала, который нѣкогда былъ осуществленъ въ исторіи. «Истинный типъ и beau idéal

должныхъ отношеній между церковью и государствомъ, по его взгляду, былъ представленъ въ Россіи патріархомъ Филаретомъ и царемъ Михаиломъ, когда свѣтская власть была у сына, а почтеніе, уваженіе и искреннее послушаніе, должныя отцу, были вполне ему оказываемы» ¹⁾.

Въ такихъ бесѣдахъ Пальмеръ провелъ нѣсколько пріятныхъ дней въ Сергіевской Пустынѣ. Монахи съ своей стороны заинтересовались ученымъ иностраннымъ богословомъ и засыпали его разспросами объ особенностяхъ англиканской церкви. Признаетъ ли она таинства и сколько именно? Какъ совершается евхаристія—на опрѣснокахъ или квасномъ хлѣбѣ? Причащеніе дается подъ однимъ или обоими видами? Какое одѣяніе у англиканскаго духовенства, какого рода митры, кресты, свѣчи? Употребляется ли еиміамъ при богослуженіи? Признается ли призываніе святыхъ, почитаніе иконъ и мощей? Эти и многіе другіе подобныя вопросы интересовали русскихъ собесѣдниковъ Пальмера, и они навѣрно не мало дивились, когда англиканскій богословъ съ грустью отвѣчалъ, что англиканская церковь благодаря постояннымъ протестантскимъ насиліямъ и другимъ вліяніямъ совершенно лишилась большей части упомянутыхъ церковныхъ принадлежностей ²⁾. Одною изъ главнѣйшихъ задачъ оксфордскаго движенія было именно возстановленіе въ англиканской церкви утраченныхъ ею старыхъ церковныхъ формъ, за которыми оксфордскіе ученые признавали великое воспитательное въ религіозномъ отношеніи значеніе, и потому Пальмеръ съ любопытствомъ занесъ въ свой дневникъ рассказанный настоятелемъ пустыни случай, свидѣтельствующій о такомъ именно значеніи церковныхъ формъ. Однажды, рассказывалъ архимандритъ, священникъ одного изъ С.-Петербургскихъ приходовъ, гдѣ жилъ лютеранскій суперъ-интендентъ (благочинный), позванъ былъ въ домъ суперъ-интендента отслужить благодарственный молебенъ по какому-то семейному случаю. Священникъ конечно предполагалъ, что молебенъ нуженъ былъ кому-нибудь изъ русскихъ квартирантовъ этого дома, но каково же было его удивленіе, когда онъ узналъ послѣ, что молебна желалъ самъ

¹⁾ Palmer, Chapter XLI, pp. 221—224.

²⁾ Palmer, p. 213.

лютеранскій суперъ-интендентъ. Когда священникъ выразилъ свое удивленіе, то тотъ отвѣчалъ: «Ахъ, батюшка! у насъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ утѣшеній, какія можно найти въ вашихъ обрядахъ и церемоніяхъ» ¹⁾.

Въ заключеніе наконецъ Пальмеръ попробовалъ коснуться вопроса объ общеніи. Съ этою цѣлію онъ спросилъ архимандрита, не можетъ ли онъ принять отъ него милостыню на монастырь, съ тѣмъ, чтобы молиться за англиканскую церковь—объ избавленіи ея отъ враговъ и соединеніи ея съ восточною церковью. Архимандритъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ сдѣлать этого, не спросивъ предварительно оберъ-прокурора и Синодъ.

— «Но вѣдь вы принимаете милостыни отъ частныхъ лицъ или отъ семействъ и молитесь о спасеніи ихъ душъ; отчего бы вамъ не сдѣлать того же и для церкви англиканской или кого-нибудь изъ ея членовъ, желающихъ этого?»

— «Нѣтъ, сказалъ рѣшительно архимандритъ, это невозможно ²⁾. Въ дѣлѣ, касающемся другихъ церквей, мы ничего не можемъ дѣлать безъ разрѣшенія епископа и Синода. Мы каждоденно молимся о соединеніи церквей, но особая молитва—иное дѣло. Если бы состоялось соединеніе восточной и англиканской церквей, мы возрадовались бы больше, чѣмъ воссоединенію униатъ. Миръ не былъ бы болѣе раздѣленнымъ».

— Чтобы начать это дѣло, нужно научиться серьезно желать его и молиться о немъ,—сказалъ Пальмеръ.

— Вы вотъ отправляетесь теперь въ Петербургъ, и Богъ да споспѣшествуетъ вамъ въ этомъ,—на прощанье сказали монахи своему чужеземному гостю ³⁾.

А. Лопухинъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Palmer, p. 211.

²⁾ Palmer, pp. 217. По поводу этого отвѣта, кардиналъ Ньюманъ дѣлаетъ слѣдующее подстрочное примѣчаніе: «Въ этомъ отвѣтѣ нѣтъ ничего неосновательнаго. Пальмеръ просилъ архимандрита признать англиканскую церковь какъ церковь и молиться объ ея очищеніи и благосостояніи. Тутъ дѣло касалось догматическаго факта».

³⁾ Palmer, Chapt. XL, pp. 216—218.

Церковно-религіозна жизнь и богословская мысль въ Россіи по запискамъ Пальмера.

V¹⁾.

Попытка Пальмера сблизиться съ с.-петербургскою духовною академіей.—Взглядъ А. Н. Муравьева на состояніе академіи.—Беседа Пальмера съ протоіереемъ Павскимъ.—Беседа съ протоіереемъ Сидовскимъ.—Богословскія воззрѣнія послѣднихъ.—Посѣщеніе духовной академіи и вынесенныя впечатлѣнія.—Профессіональное міросозерцаніе.

По возвращеніи изъ Сергіевской пустыни въ Петербургъ, Пальмеръ встрѣтился съ А. Н. Муравьевымъ и, передавая ему свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ наблюденія надъ русскою монастырскою жизнью, замѣтилъ ему: нельзя-ли бы два или три монастыря обратить въ ученые общины, подобно монастырямъ бенедиктинцевъ? Муравьевъ отвѣчалъ: «Многаго въ настоящее время сдѣлать нельзя. Если обязательное безбрачіе есть бремя латинской церкви, то обязательный бракъ есть такое-же бремя нашей церкви, тѣмъ болѣе, что послѣдній противенъ духу канонѣвъ, противенъ наставленіямъ ап. Павла, и просто основывается на мѣстномъ обычаѣ. Почти все наше духовенство—сословнаго происхожденія и составляетъ замкнутую касту. Дворянамъ, купцамъ, высшимъ классамъ открытъ доступъ къ священному сану, но они не принимаютъ его. Что же намъ дѣлать? Мы живемъ не въ вѣка соборовъ, когда можно бы было измѣнить такой порядокъ вещей. Что же касается нашего монашества, то оно все, за малыми исключеніями, состоитъ изъ крестьянъ, которымъ не до науки»²⁾.

¹⁾ Продолженіе. См. майскую кн. «Странника»

²⁾ Palmer, Chapt. XLII, p. 225.

Не найдя въ монастырѣ достаточно компетентныхъ представителей богословской мысли, съ которыми можно было-бы помѣняться высшими богословскими воззрѣніями, Пальмеръ выразилъ Муравьеву желаніе сблизиться съ духовной академіей въ С.-Петербургѣ и даже, если-бы можно было, и поселиться въ ней на нѣкоторое время. Но Муравьевъ отсѣвовалъ ему.

— «Тамъ всегда заняты, сказалъ онъ, и вы никого не будете видѣть. Обитатели академіи не составляютъ общества; это — низшее духовенство и его дѣти, со всѣми своими особенностями и предубѣжденіями. Вы для нихъ будете заморскимъ чудовищемъ. Они стали-бы смотрѣть на васъ какъ на еретика, и самый фактъ пребыванія среди нихъ англійскаго діакона былъ-бы скандаломъ. Они не имѣютъ вашихъ идей о единеніи и не поймутъ ихъ».

— Они кажется могутъ проникаться протестантскими идеями,—возразилъ Пальмеръ:—отчего-бы имъ не войти и въ каѳолическія идеи? Мнѣ кажется, можно-бы сдѣлать что-нибудь для того, чтобы примирить ихъ и измѣнить ихъ отношеніе къ намъ.

Но Муравьевъ стоялъ на своемъ и продолжалъ:

— Вы не уживетесь среди нихъ, даже если-бы приноравлились ко всѣмъ ихъ привычкамъ и понятіямъ. Притомъ русская молодежь очень шаловлива и саркастична, и можетъ надѣлать вамъ много непріятностей ¹⁾.

Пальмеръ не отказался однако отъ желанія увидѣть духовную академію и вскорѣ ему представился удобный къ тому случай. А пока онъ продолжалъ свои сношенія съ высшими представителями русской богословской мысли тогдашняго времени и свѣрялъ ихъ взгляды съ своею оксфордскою доктриною. Теперь ему пришлось встрѣтиться съ извѣстными учеными богословами—протоіереями Павскимъ и Сидонскимъ.

Протоіерей Г. П. Павскій занимаетъ видное мѣсто въ исторіи развитія нашего церковнаго самосознанія и богословской мысли, и хотя онъ не выразилъ своего міросозерцанія въ какомъ-либо капитальномъ трудѣ, но тѣмъ не менѣе слу-

¹⁾ Palmer. p. 226, 227.

жилъ яркимъ выразителемъ одного изъ двухъ направлений нашей церковно-богословской мысли. Это былъ богословъ, если можно такъ выразиться, ессеновской школы и отличался извѣстною свободою богословскихъ воззрѣній, которыя едва-ли были не шире католической доктрины Оксфорда, такъ что Пальмеру приходилось вновь прилаживать свою теорію для приведенія ея въ согласіе съ православнымъ міросозерцаніемъ въ его новомъ самобытномъ представителѣ. Когда Пальмеръ завелъ рѣчь о своемъ любимомъ предметѣ, — замѣченномъ имъ несогласіи русскаго перевода XVIII членовъ іерусалимскаго собора 1672 года съ греческимъ подлинникомъ, — то Павскій сразу согласился, что дѣйствительно при переводѣ сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія, и заявилъ, что по его мнѣнію они вызывались сущностью предмета, такъ какъ тамъ очевидны были слѣды римско-католическаго вліянія. Это же вліяніе, — замѣтилъ Павскій, — отразилось и на Православномъ Исповѣданіи Петра Могилы, въ которомъ терминъ пресуществленіе (*transubstantiatio*) прямо заимствованъ отъ латинянъ, что объясняется самымъ воспитаніемъ Петра Могилы въ римско-католическихъ коллегіяхъ. Пальмеръ на это сказалъ, что по его мнѣнію Петръ Могила является ревниво православнымъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ не подозрѣвалъ опасности, — но Павскій обобщилъ все міросозерцаніе западно-русской церкви и замѣтилъ: «Вся церковь Малороссіи находилась въ соприкосновеніи съ латинянами и униатами и ничто, выходящее изъ нея, не могло быть свободнымъ отъ подозрѣнія. Русская церковь всегда держалась подалеже отъ всякихъ новшествъ, но терминъ «пресуществленіе» теперь наконецъ допущенъ митрополитомъ Филаретомъ въ его Катихизисъ, и такимъ образомъ Синодъ запечатлѣлъ его церковнымъ авторитетомъ. Тѣмъ не менѣе мы не связаны его римско-католическимъ смысломъ» ¹⁾. Такой неожиданный взглядъ видимо совпадалъ со взглядомъ самого Пальмера, но въ устахъ русскаго богослова онъ былъ именно слишкомъ неожиданъ для Пальмера, чтобы не произвести въ немъ нѣкотораго смущенія, и потому онъ замѣтилъ: «Вѣдь

¹⁾ Palmer, Chapt. XLVI, p. 242.

католицизмъ Филарета представляетъ только новую форму Православнаго Исповѣданія, и я не понимаю, какъ можно отрицать авторитетъ Православнаго Исповѣданія, когда оно формально на соборѣ 1642 года въ Яссахъ было исправлено и одобрено въ присутствіи патріаршаго экзарха, и въ послѣдствіи самими восточными патріархами, и тѣмъ болѣе, что оно первоначально составлено было въ Россіи и для Россіи?»—Павскій объяснилъ своему собесѣднику, что оно было составлено исключительно для западной окраины Россіи и далеко не выражало собою богословскаго воззрѣнія самой русской церкви, которая всегда сторонилась отъ принятія кievскихъ богословскихъ мнѣній. Что-же касается грековъ, то они, замѣтилъ Павскій, легко попадаютъ въ заблужденіе.—«XVIII членовъ, подхватилъ Пальмеръ, несомнѣнно содержатъ одну нелѣпую ошибку, именно въ ученіи о канонѣ св. Писавія, которую Св. Синодъ исправилъ». Павскій подтвердилъ это замѣчаніе и затѣмъ перешелъ къ изложенію своихъ богословскихъ воззрѣній, которыя опять привели Пальмера въ нѣкоторое смущеніе своею неожиданной смѣлостью и широтою. Такъ Пальмеръ нашелъ, что воззрѣнія Павскаго на церковь не совсѣмъ православны, потому что и онъ папскую церковь называлъ, какъ и вообще всѣ русскіе, католическою и понятіе истинной церкви расширялъ такъ, что подъ него подходили всѣ христіанскія вѣроисповѣданія, содержащія основную сущность Христіанства. Когда Пальмеръ замѣтилъ, что невозможно такъ расширять понятіе церкви, что лютеране напр. не могутъ составлять церкви вслѣдствіе отрицанія существеннаго элемента церкви—апостольскаго преемства, выражающагося въ епископствѣ, то Павскій сказалъ, что для этого достаточно, если они признаютъ Символъ, принятый всѣми христіанами, а что касается апостольскаго преемства, то вѣдь англикане и сами имѣютъ не болѣе правъ на апостольское преемство, чѣмъ лютеране.

— «Если бы я думалъ такъ, сказалъ Пальмеръ, я не былъ бы членомъ церкви англиканской. А лютеране, вмѣсто того чтобы протестовать противъ несправедливаго отлученія, объявили, что они вышли изъ Вавилона, и основали новыя челоуѣческія церкви на основаніи Библии. Самые имена, кото-

рыя въ нихъ даются духовенству, показываютъ, что они не суть церковь». Пальмеръ намекалъ при этомъ на тотъ извѣстный фактъ, что въ протестантствѣ, отвергнувшемъ священство въ смыслѣ таинства, самое слово «священникъ» постепенно стало выходить изъ употребленія и вмѣсто него сдѣлались обычными простыя названія—пасторъ, проповѣдникъ,—обозначающія только извѣстное общественное положеніе чловѣка. Но Павскій и здѣсь въ своихъ воззрѣніяхъ оказался шире англиканскаго богослова и не только говорилъ, что пасторъ и священникъ одно и то же, но и утверждалъ, что протестантскіе пасторы, поставленные посредствомъ возложенія рукъ, сами могли передавать такимъ же образомъ принятое ими посвященіе и другимъ, что окончательно смѣшалось всѣ богословскіе аргументы Пальмера.

— Не нашли ли вы Павскаго слишкомъ протестантскимъ для васъ?—спросилъ Пальмера капелланъ англійской церкви въ Петербургѣ.

— Да, я нашелъ его достаточно неправославнымъ (heterodoxe), отвѣтилъ Пальмеръ.

— Я такъ и думалъ, замѣтилъ тотъ; при всемъ томъ я скажу вамъ, это—превосходнѣйшій чловѣкъ и очень любимъ и уважаемъ. Онъ несомнѣнно чловѣкъ высокаго ума и образованія ¹⁾.

Нѣсколько инымъ характеромъ отличался протоіерей Ѳ. Ѳ. Сидонскій, съ которымъ познакомился затѣмъ англійскій богословъ. Если Павскій отличался смѣлостью сужденій и широтою міросозерцанія, которыя на первый взглядъ производили впечатлѣніе нѣкоторой легкости въ отношеніи къ важнымъ предметамъ, то у протоіерея Сидонскаго былъ совсѣмъ другой складъ ума. Это былъ богословъ глубокой философской закваски, его религіозное міросозерцаніе основывалось на громадной философской эрудиціи, которая до такой степени вѣдрилась въ его существо, что философія и богословіе для него стали какъ бы однимъ органическимъ цѣлымъ на различныхъ ступеняхъ его развитія. Вслѣдствіе этого высшее духовенство, по замѣчанію Пальмера, не особенно

¹⁾ Palmer, p. 246.

благосклонно относилось къ протоіерю, и именно за то, что онъ «къ религіи примѣшивалъ человѣческую философію». Понятно поэтому, что и бесѣда Пальмера съ Сидонскимъ должна была принять серьезный философскій оттѣнокъ.

Бесѣда происходила на латинскомъ языкѣ и протоіерей Сидонскій сразу же задалъ Пальмеру вопросъ: какой философіи слѣдуютъ они въ Англіи—Лейбница, Декарта или какой другой?

— «Мы не особенно любимъ новыхъ и притомъ иностранныхъ писателей, — отвѣчалъ Пальмеръ. Мы читаемъ Аристотеля и Платона и нѣкоторыя произведенія нашихъ богослововъ для приведенія ихъ въ связь съ православными богословами. Нѣмцы умны и трудолюбивы, но, благодаря ихъ несчастному состоянію, всѣ ихъ книги заражены ересью. Такъ постоянно было съ того момента, когда они сдѣлали этотъ несчастный подвигъ—исхода изъ Вавилона».

Когда протоіерей Сидонскій замѣтилъ, что при теперешнемъ нашемъ состояніи нечего бояться философскихъ мнѣній и что все обстоитъ такъ тихо, что нечего опасаться какихъ-либо воздѣйствій западныхъ религиозныхъ заблужденій, — Пальмеръ вдался въ длинное размышленіе о состояніи православной церкви и ея отношеніи къ западнымъ вѣроисповѣданіямъ. «Если бы не гражданская власть, которая въ настоящее время сдерживаетъ, но на которую полагаться тоже не совсемъ безопасно, вы скоро увидѣли бы, — говорилъ онъ Сидонскому, — какъ внутреннее раздѣленіе стало бы среди васъ усиливаться и распространяться, и кромѣ того вы не были бы въ состояніи противодѣйствовать даже силѣ псевдо-католицизма римскаго. Если вы только *часть* церкви, то гдѣ же находится цѣлое? Покажите намъ ту мать-церковь, которую мы исповѣдуемъ въ символѣ вѣры и которой обязаны повиноваться одинаково какъ вы, такъ и мы. Часть не можетъ быть безъ цѣлаго. Есть община, которая посягаетъ на званіе цѣлаго, и съ точки зрѣнія распространенности и многочисленности членовъ имѣетъ больше на это правъ, чѣмъ всякая другая; эту общину вы собственными устами называете католическою (каеолическою—catholic) церковью, равно какъ и всѣ остальные ея враги, и она смѣло говоритъ, что

вы принадлежите ей, что вы не что иное какъ отдѣленная часть, отчужденный членъ, испорченное дитя, овца заблудшаяся. Не оправдываете ли вы ея претензій своимъ названіемъ ея и своимъ къ ней отношеніемъ? Вы допускаете, что вы только часть; она говоритъ, что она составляетъ цѣлое. И повидимому вы признаете это, такъ какъ называете эту общину «каѳолическою церковью», и сами никогда не выясните для себя хорошенько, что же такое это цѣлое, котораго вы составляете часть? Не похоже ли это, что вы дѣйствительно то, чѣмъ она называетъ васъ? Вы конечно можете сказать, что вы самихъ себя называете каѳоликами (catholics), а латинянь католиками. Мы тоже иногда дѣлаемъ подобное же оправданіе, когда говоримъ, что *они* только *римскіе* католики, а мы сами дѣйствительные католики или каѳолики. Но, вопреки всѣмъ этимъ оправданіямъ, народный языкъ имѣетъ свой серьезный вѣсъ. Предположимъ однако, что вы повернете фронтъ и станете утверждать, согласно ученію вашихъ церковныхъ книгъ и уставовъ, что ваша каѳолическая восточная церковь есть цѣлая вселенская церковь и что каѳоличество восточно по самому своему происхожденію, подобно тому какъ Римъ говоритъ, что оно римское по подчиненію. Тѣмъ не менѣе, не будете ли вы страннымъ народомъ, претендуя на всю каѳолическую церковь! Въ Россійской имперіи есть миллионы лютеранъ и кальвинистовъ, которыхъ вы должны бы попытаться обратить къ истинной вѣрѣ и церкви. Затѣмъ существуютъ латиняне, составляющіе двѣ трети всего христіанскаго міра, и вы не только не показали никакой ревности или дѣятельности для обращенія ихъ, но сами въ дѣйствительности постоянно слѣдовали и подражали имъ, ища у нихъ учености и богословскихъ познаній, усвоивъ ихъ научныя новшества и даже составляя свои вѣроопредѣленія на соборахъ подъ ихъ руководствомъ и вліяніемъ. Но пусть это такъ; не будемъ говорить также о чрезвычайной несообразности предположенія, что половина церкви отпала какъ община и со времени своего отпаденія возросла въ духовной силѣ и распространенности гораздо больше, чѣмъ православная; возьмемъ только во вниманіе, что здѣсь, въ этомъ од-

номъ городѣ, постоянно имѣется англійская колонія въ двѣ или три тысячи человекъ, съ самаго основанія столицы. Ну, что вы за эти 130 лѣтъ сдѣлали для спасенія ихъ душъ и сдѣлали ли чего-нибудь больше, чѣмъ для какого-нибудь стада свиней? Такова-то ревность и любовь единой, святой, соборной апостольской церкви!»

Протоіерей Сидонскій замѣтилъ, что наша церковь всегда отличалась умѣренностью и вѣротерпимостью и всегда старалась не осуждать другихъ въ ихъ вѣроученіи; но Пальмеръ отвѣчалъ, что «такая умѣренность жестока въ отношеніи къ другимъ и самоубійственна въ отношеніи къ себѣ». На замѣчаніе протоіерея, что ревность о религіи причинила пролитіе потоковъ крови, Пальмеръ опять сказалъ, что «такая ревность, которая причиняетъ пролитіе крови, кровожадная и сатанинская ревность, истинная же ревность скорѣе причинила бы изліяніе молитвъ и слезъ»,—и затѣмъ опять заговорилъ о внутреннемъ положеніи русской церкви: «Гражданское правительство составляетъ очень ненадежнаго союзника, какъ мы теперь начинаемъ узнавать по опыту въ Англии. Когда случится—у васъ будетъ либеральный государь, окруженный министрами въ родѣ нашихъ лорда Джона Русселя и лорда Мелборна, а не Протасовыми и Муравьевыми, и когда они дадутъ волю раскольникамъ и «католикамъ» нападать на вашу церковь, вы безъ сомнѣнія откроете, что гораздо лучше было бы, вмѣсто того чтобы укрываться позади самодержавнѣйшаго государя, самимъ стараться мыслить и дѣйствовать подобно истиннымъ католикамъ, не при чтеніи только символа вѣры исповѣдуя единство церкви, но—вѣруя своимъ сердцемъ и проявляя эту вѣру въ словахъ и дѣлахъ»¹⁾.

Если въ этихъ сужденіяхъ Пальмера много односторонности, обусловленной его излюбленною теоріею каѳоличности и начавшеюся уже проявляться симпатіей его къ той церкви, которая впоследствии приняла его въ свое лоно, то нѣкоторыя частности не лишне имѣть въ виду при уясненіи тѣхъ недостатковъ, которыми страдаетъ наша церковно-

¹⁾ Palmer, pp. 248—251.

религіозная жизнь. Нѣкоторые факты новѣйшаго времени служатъ значительнымъ оправданіемъ мнѣнія Пальмера на счетъ неудобства для правильнаго развитія церковной жизни слишкомъ много полагаться на гражданское правительство. Когда, подѣ вѣяніемъ новаго времени, покровительственная система государства по отношенію къ церкви значительно ослабѣла, то всѣ враждебные Церкви элементы не замедлили воспользоваться этимъ ослабленіемъ для нападенія на нее или на ея представителей въ лицѣ духовенства. Вся переживаемая нами вакханалія газетныхъ и журнальныхъ хулителей духовенства есть одно изъ проявленій этой враждебности, и нельзя не сознаться, что наше духовенство на первое время оказалось совсѣмъ неприготовленнымъ къ отпору этой враждебной оппозиціи достойнымъ образомъ, и только теперь оно оправляется и, опираясь на оживившуюся самодѣятельность, начинаетъ сдерживать враждебный напоръ оппозиціи.

Съ цѣлію изучить практически русскій языкъ и познакомиться поближе съ жизнью и воззрѣніями русскаго духовенства, Пальмеръ поселился у священника Фортунатова, на Выборгской сторонѣ. Это былъ еще молодой человѣкъ, только что кончившій курсъ въ петербургской духовной академіи и потому могшій служить для Пальмера показателемъ не только воззрѣній духовенства, но и состоянія высшаго богословскаго образованія въ Россіи.

При посредствѣ о. Фортунатова Пальмеръ удовлетворилъ своему желанію—проникнуть въ духовную академію, и познакомился съ ректоромъ ея, архимандритомъ Аеанасіемъ Дроздовымъ (1841 — 1847), бывшимъ впослѣдствіи епископомъ саратовскимъ и затѣмъ архіепископомъ астраханскимъ. Это былъ, какъ извѣстно, весьма образованный человѣкъ, ученый классикъ и глубокій богословъ, хотя и не оставившій по себѣ печатныхъ произведеній. Онъ съ интересомъ принялъ англиканскаго богослова, прочиталъ его введеніе къ XXXIX членамъ англиканской церкви и, найдя въ немъ примирительный тонъ, пожелалъ видѣть самые члены. Введеніе Пальмера, написанное подѣ угломъ зрѣнія оксфордской доктрины, стоитъ гораздо ближе къ ученію вселенской церкви, чѣмъ

ученіе самыхъ XXXIX членовъ, и когда ректоръ Аѳанасій обратилъ на это вниманіе,—то Пальмеръ успѣшилъ сдѣлать оговорку, что «члены никоимъ образомъ не составляютъ общаго исповѣданія вѣры и что ихъ вужно разсматривать въ соображеніи съ тѣми особенными обстоятельствами, среди которыхъ они произошли». Члены эти содержатъ въ себѣ западное ученіе о «Filioque», и когда Пальмеръ сталъ объяснять причины внесенія его въ англиканскій символъ, Аѳанасій замѣтилъ, что это «profundissima et difficillima quaestio». Ректоръ просилъ Пальмера заходить къ нему почаще и, пользуясь этимъ любезнымъ приглашеніемъ, Пальмеръ успѣлъ познакомиться съ внѣшнею и съ внутреннею жизнью академіи.

Состояніе нашихъ высшихъ богословскихъ школъ въ то время было не завидное. Крайняя скудость содержанія какъ наставниковъ, такъ и студентовъ, способна была убивать всякую энергію, и надо только удивляться, что при такомъ матеріальномъ состоявіи высшихъ духовно-учебныхъ заведеній находились еще люди, которые отдавали имъ на служеніе всю свою жизнь. И эти люди не были какими-нибудь неудачниками, отдававшимися служенію высшей богословской наукѣ потому только, что они не способны были ко всякому другому общественному служенію; напротивъ, въ числѣ ихъ значатся имена, несомнѣнно служащія украшеніемъ нашей богословской и философской литературы. Въ с.-петербургской академіи къ этому времени относятся преподавательская дѣятельность протоіереевъ Павскаго и Сидонскаго, профессора Карпова, Макарія Булгакова и другихъ, и около этого же времени получили свое образованіе и начали службу въ академіи большинство теперешнихъ ея профессоровъ, изъ которыхъ всѣ болѣе или менѣе сдѣлали цѣнныя вклады въ нашу богословскую и церковно-историческую литературу. Если принять во вниманіе, что вмѣстѣ съ матеріальною скудостью тогдашнимъ дѣятелямъ нашей высшей богословской науки приходилось еще испытывать явное пренебреженіе со стороны высшаго управленія, какъ это можно видѣть даже изъ приведеннаго выше отзыва объ академіи такого человѣка, какъ А. Н. Муравьевъ, то сосредоточеніе въ академіи даровитыхъ

лицъ можетъ служить яркимъ доказательствомъ внутренней энергіи духовной среды, которая могла давать изъ себя такихъ самоотверженныхъ дѣятелей.

Вникнувъ въ жизнь академіи, Пальмеръ нашелъ, что обитатели ея далеко не были такими узкоумными дикарями, какими изображалъ ихъ А. Н. Муравьевъ. Студенты оказались очень серьезными молодыми людьми, которые не только не дичились англиканскаго богослова, а напротивъ съ большимъ интересомъ спрашивали его о состояніи англиканской церкви и засыпали его вопросами всякаго рода. «Какой авторитетъ, спрашивали они его между прочимъ, придается въ Англіи переводу LXX, вульгатъ и еврейскому тексту? Какіе переводы признаются лучшими кромѣ названныхъ? Какой архіепископъ лондонскій написалъ книгу, опровергающую христіанство? Чей ученикъ былъ Штрауссъ? Въ какихъ книгахъ можно найти ученіе англиканской церкви?» и пр. Нѣкоторые изъ студентовъ писали сочиненія объ англиканской церкви и имъ интересно было узнать, къ чему она стоитъ ближе—къ лютеранству или папизму? По ихъ предположенію, замѣчаетъ Пальмеръ, она стоитъ ближе къ лютеранству. Въ просмотрѣнныхъ Пальмеромъ курсовыхъ сочиненіяхъ студентовъ преобладалъ таинственно-отвлеченный элементъ, видимый отголосокъ мистическаго направленія, охватившаго предъ тѣмъ русское общество ¹⁾.

Разговаривая съ о. Фортунатовымъ о богословскомъ образованіи въ Россіи и вообще о религіозномъ состояніи русскаго народа, Пальмеръ съ удивленіемъ услышалъ отъ своего собесѣдника, что истинныя православныя воззрѣнія живутъ только въ средѣ духовенства, а все остальное образованное общество заражено вольнодумствомъ (all freethinkers), и въ особенности—профессора и студенты медицинской академіи (видъ на которую выходилъ изъ квартиры о. Фортунатова), и не только они, но и вообще врачи въ этомъ отношеніи *pessimii sunt*. О. Фортунатовъ до такой степени былъ убѣжденъ, между прочимъ, въ неизбѣжности невѣрія и вольнодумства для членовъ медицинской профессіи, что ни за что

¹⁾ Palmer, Chapt. LXII, pp. 303—305.

не хотѣлъ повѣрить Пальмеру, что въ Англіи эти люди совсѣмъ не отличаются вольнодумствомъ, и думалъ, что они по всей землѣ таковы, по слову Священнаго Писанія: «восхвалять ли Тебя мертвые, о Господи, и врачи возстанутъ ли исповѣдать Тебя?»

Этотъ взглядъ, при всей его исключительности и односторонности, не лишенъ нѣкоторой осязательности и находитъ доселѣ соотвѣтствіе въ дѣйствительности. При отсутствіи у насъ серьезной научной и философской подкладки у лицъ профессиональнаго образованія, ихъ общее міросозерцаніе легко выходитъ изъ колеи при одномъ соприкосновеніи съ мертвыми орудіями ихъ ремесла, и въ такомъ состояніи они уже легко переходятъ отъ возможности напр. анатомическаго анализа трупа къ возможности такого же анализа всего міра, который представляется имъ простымъ трупомъ, а не живымъ космосомъ, какимъ онъ является предъ философскимъ міросозерцаніемъ.

А. Лопухинъ.

(Продолженіе будетъ).

Церковно-религіозна жизнь и богословская мысль въ Россіи по запискамъ англичанина Пальмера.

VI ¹⁾.

Англійскій діаконъ въ великосвѣтскомъ кругу. Церковно-религіозна жизнь великосвѣтскаго міра. Шатаніе великосвѣтской мысли. Периодическія увлеченія и ихъ причины. Отношенія къ церкви. Разнообразныя формы религіозныхъ увлеченій. Искатели и искательницы религіозныхъ приключеній. Либеральный евангеликализмъ.

При наблюденіи русской церковно-религіозной жизни и богословской мысли, Пальмеръ не ограничивался профессиональными сферами, которыя естественно могли произвести лишь болѣе или менѣе одностороннее впечатлѣніе; онъ старался проникать во всѣ сферы и слои русскаго народа, чтобы всесторонне изучить его церковно-религіозное міросозерцаніе. Между прочимъ ему особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи въ великосвѣтскомъ кругу, гдѣ онъ въ короткое время приобрѣлъ многочисленныя знакомства и связи. Нашъ великосвѣтскій кругъ, не смотря на разрушеніе всѣхъ сословныхъ и кастовыхъ междустѣнній, остается до сихъ поръ строго замкнутымъ въ себѣ міромъ, который живетъ своими особыми преданіями, своею особою жизнью и своимъ особымъ міросозерцаніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ остальнымъ міромъ. Вслѣдствіе такой замкнутости внутренняя жизнь его мало извѣстна обществу и только благодаря великосвѣтскимъ романистамъ она вводится по временамъ въ русло

¹⁾ Продолженіе. См. юзьскую кн. «Страника».

обыкновенной общественно-литературной жизни. Что же касается религіознаго состоянія этой среды, то о немъ, можно сказать, ничего неизвѣстно и доселѣ не было даже попытки болѣе или менѣе обстоятельно изучить ее. Духовенство наше слишкомъ «вульгарно» для того, чтобы быть принятымъ въ этой средѣ, и всѣ отношенія его къ ней ограничиваются формальными отправлениями необходимыхъ требъ. Поэтому о церковно-религіозномъ состояніи великосвѣтскаго міра существуютъ самыя неясныя и противорѣчивыя представленія, которыя сходятся лишь на признаніи господства пустоты въ церковно-религіозной жизни этой среды. Но такое представленіе было бы не совсѣмъ справедливымъ. Въ нашемъ великосвѣтскомъ мірѣ постоянно идетъ дѣятельная работа религіозно-богословскаго разума, какъ можно судить даже по тѣмъ религіознымъ увлеченіямъ, которыя періодически заявляютъ о себѣ въ немъ. Пустота не способна реагировать; если же нашъ великосвѣтскій міръ способенъ увлекаться различными религіозными движеніями, то это вѣрный знакъ, что въ немъ живъ религіозный инстинктъ, которымъ и злоупотребляютъ разные заѣзжіе аббаты, ханжествующіе лорды и юродствующіе пашковцы. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и та чуткость и тотъ интересъ, съ которыми нашъ великосвѣтскій міръ относится къ разнымъ религіозно-богословскимъ новинкамъ. Пальмеръ въ своей книгѣ представляетъ много примѣровъ этого. Ему приходилось вести продолжительныя богословскія бесѣды съ разными лицами изъ великосвѣтскаго круга, и возрѣнія нѣкоторыхъ изъ его собесѣдниковъ и собесѣдницъ могутъ служить типическими образцами великосвѣтскаго богословія.

Какъ англичанину, Пальмеру весьма интересно было опредѣлить отношеніе нашего великосвѣтскаго или аристократическаго круга къ церкви. Въ Англіи, какъ извѣстно, государственная церковь есть по преимуществу церковь аристократіи, которая блистаетъ изысканнымъ проповѣдничествомъ, роскошной обстановкой и высшими цѣнами на мѣста, исключаящими для простаго бѣднаго народа всякую возможность доступа къ нимъ. Высшая аристократія тамъ служитъ главнѣйшей опорой церкви, и духовенство въ общественномъ и матеріальномъ отношеніи поставлено такъ высоко, что оно

близко соприкасается съ аристократіей, а въ высшихъ своихъ степеняхъ и прямо выходитъ изъ нея. Если съ одной стороны это и хорошо, такъ какъ указываетъ на высшее общественное значеніе и вліяніе церкви, то съ другой стороны это же и служитъ источникомъ главной слабости англиканской церкви. Опираясь ва аристократію и стараясь постоянно держаться на соотвѣтствующей высотѣ общественнаго положенія, она потеряла подъ собою народную почву, народъ отшатнулся отъ нея и ударился въ сектантство. Пальмеръ вполне сознавалъ эту слабую сторону своей церкви и потому съ особеннымъ интересомъ отмѣчаетъ то преимущество нашей церкви, что это—именно народная церковь, къ алтарю которой свободенъ доступъ послѣднему бѣдняку. Но это послѣднее преимущество въ свою очередь получаетъ свое полное значеніе когда не переходитъ къ крайности и когда во имя народа, вагъ массы, не вытѣсняется высшій классъ его, какъ главный носитель народнаго разума и духа. Вотъ съ этой-то стороны Пальмеру и интересно было опредѣлить отношеніе нашей аристократіи къ нашей народной церкви.

Надо замѣтить, что Пальмеру пришлось производить свои наблюденія въ самое неблагопріятное время. Въ умственной жизни тогдашняго образованнаго русскаго общества только что предъ тѣмъ прошли два бурныхъ теченія совершенно противоположнаго направленія. Это съ одной стороны—сильное вліяніе романизма, сѣмена котораго смѣлой и искусной рукой распространяли іезуиты до своего полнаго изгнанія изъ Россіи въ 1820 году, а съ другой стороны—увлеченіе мистицизмомъ, упрочившимся подъ вліяніемъ англо-континентальнаго библейскаго общества. То и другое теченія прошли исключительно по умственной жизни нашего высшаго образованнаго общества, но тѣмъ сильнѣйшій слѣдъ они оставили по себѣ. Наибольше слабыя личности, и притомъ по умственному своему складу стоявшія, такъ сказать, уже внѣ церковной ограды, были захвачены этими теченіями и увлечены ими частью къ подножію римскаго папскаго престола, а частью—въ бездну мистической безпринципности. Но для развитія нашего общества гораздо большее значеніе имѣли слѣды, оставленныя этими теченіями на массѣ того образованнаго велико-

свѣтскаго общества, которое удержалось въ оградѣ церковной. Они на столько сильно повліяли на все религиозное міросозерцаніе этого общества, что ими надолго опредѣлилось характеристическое направленіе церковно-религіозной жизни и богословской мысли въ этой средѣ. Увлечение романизмомъ дало сильный колоритъ папизма умственному складу нашего образованнаго общества, а когда это увлечение встрѣтилось съ неменѣе сильнымъ потокомъ враждебнаго ему мистицизма, то это столкновение двухъ противоположныхъ началъ окончательно лишило великосвѣтскій разумъ необходимаго равновѣсія и вслѣдствіе этого водворилось то шатавіе богословской мысли, какимъ характеризуется религиозно-умственная жизнь нашего великосвѣтскаго круга въ запискахъ Пальмера.

Англиканскому богослову сразу бросилась въ глаза такая шаткость въ религиозномъ міросозерцаніи нашего великосвѣтскаго круга, и при передачѣ своихъ богословскихъ бесѣдъ съ разными представителями этого круга онъ постоянно отмѣчаетъ эту особенность, которая сначала казалась ему загадочною, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ въ этой же средѣ несомнѣнные признаки здоровой церковности. Во всѣхъ домахъ, гдѣ онъ бывалъ, его принимали съ величайшимъ гостепріимствомъ и постоянно вступали съ нимъ въ религиозныя бесѣды съ несомнѣнно живымъ интересомъ, особенно дамы, которыя даже просили его приходить къ нимъ въ церковномъ одѣяніи и засыпали его вопросами о разныхъ особенностяхъ англиканской церковной жизни, о священникахъ и епископахъ, о томъ, существуетъ ли въ Англіи обычай просить у нихъ благословенія и въ какой формѣ оно дается, и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ встрѣчался съ глубокою привязанностью къ формамъ церковно-религіозной жизни православной церкви. Княгиня Потемкина упрекала англичанъ въ томъ, что «ихъ епископы живутъ какъ свѣтскіе люди и не имѣютъ ни того духовнаго характера, какимъ отличаются наши епископы, ни того почтенія, которое соединяется съ послѣднимъ» ¹⁾. Другая дама сдѣлала энергическое нападеніе на Пальмера и со всѣмъ рвеніемъ строгой послѣдовательницы своей церкви

¹⁾ Palmer, p. 258.

отрицала всякую возможность осуществленія пропагандируемой Пальмеромъ схемы о соединеніи церквей ¹⁾. Третья умилила англиканскаго богослова простотою своей религіозной вѣры, когда она въ его присутствіи благословила отеческимъ крестомъ своего племянника, отправлявшагося на ночной покой ²⁾. Но при всѣхъ видимыхъ чертахъ религіозности, характеризующихъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь нашего великосвѣтскаго круга, отъ Пальмера не могло ускользнуть то отчужденіе отъ церкви, которое выступало на ряду съ признаками религіозными. Онъ сталъ доискиваться причины его и отчасти нашелъ разъясненіе въ устахъ представителей этого самаго круга.

Въ день Михаила Архангела, 8 ноября, Пальмеръ обѣдалъ у княгини Софьи Голицыной. По обыкновенію, зашелъ религіозный разговоръ, и княгиня стала жаловаться на то, что у насъ весьма мало представляется случаевъ такой религіозной бесѣды съ духовными пастырями, изъ которой можно бы извлечь религіозный совѣтъ или назиданіе, такъ какъ духовенство никогда не входитъ въ ихъ общество. «Нѣтъ сомнѣнія, продолжала она, нашъ обычай ходить на исповѣдь очень хорошъ; но вѣдь это только разъ въ годъ, а въ длинныхъ промежуткахъ мы исключительно предоставлены самимъ себѣ. Службы церковныя чрезвычайно утомительны, и мы лишь немного понимаемъ въ нихъ, особенно въ вечернѣ и утренѣ, и изъ высшихъ классовъ почти никто и не ходитъ къ утрени. Она очень продолжительна и нужно стоять все время. Болѣе понятна намъ литургія и мы лучше можемъ слѣдить за ней».

— Но если купить церковныя книги и по нимъ слѣдить за богослуженіемъ, то оно станетъ болѣе понятнымъ,—замѣтилъ Пальмеръ.

— Нѣтъ, это невозможно—стоять въ церкви съ книгою въ рукахъ! Это было бы неуваженіемъ къ святынямъ.

— Я разумѣю нѣсколько не то, — отвѣтилъ Пальмеръ. Я разумѣю—читать богослужебныя книги такъ съ четверть

¹⁾ Palmer, гл. XLIV, pp. 233—236.

²⁾ Palmer, p. 235.

часа или въ родѣ этого каждый день дома, и тогда вамъ скоро станетъ понятнѣе церковное богослуженіе.

— Такъ дѣлають у насъ иные пожилые люди, и потому быть можетъ и выстаивають всѣ службы, которыя не кажутся имъ утомительными, — отвѣтила княгиня и, какъ бы чувствуя уничтоженіе своего прежняго аргумента, старалась найти оправданіе своему отношенію къ церкви въ томъ, что наше духовенство еще совсѣмъ не оставило своей дурной привычки—пить ¹⁾.

На такіе и подобные разговоры Пальмеру приходилось постоянно наталкиваться въ гостепріимныхъ домахъ его великосвѣтскихъ друзей. Обѣдая у Потемкиныхъ въ первый день рождественскаго поста, гдѣ по православному обычаю предложенъ былъ постный столъ, Пальмеръ поинтересовался узнать, насколько строго соблюдаются въ высшихъ классахъ церковныя постановленія касательно постовъ. Отъ постаго стола своихъ хозяевъ онъ хотѣлъ сдѣлать благопріятное обобщеніе касательно вообще всего великосвѣтскаго круга, но долженъ былъ разочароваться, когда ему сказали, что «вышіе классы теперь настолько протестантизировались, что посты соблюдаются лишь очень немногими, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, гдѣ живетъ до семидесяти тысячъ нѣмцевъ. Нѣкоторые, пожалуй многіе, соблюдаютъ постъ лишь въ первую и послѣднюю недѣлю великаго поста». Но насколько вообще непопулярны посты въ высшихъ классахъ, Пальмеръ могъ видѣть изъ того, что съ наступленіемъ того или другаго поста заведенные у Потемкиныхъ «журфиксы» быстро пустѣли, такъ какъ по заведенному у нихъ обычаю уживы бывали у нихъ въ это время обильно постные ²⁾. За этимъ же постнымъ обѣдомъ англиканскій богословъ наслушался разныхъ, не совсѣмъ благопріятныхъ, отзывовъ о нашихъ церковно-религіозныхъ порядкахъ. «Службы церковныя, жаловались ему, у насъ слишкомъ длинны, пригодны только для монастырей, откуда онѣ и заимствованы, и вслѣдствіе этого сопровождаются большими безпорядками и неблагого-

¹⁾ Palmer, p. 308.

²⁾ Palmer, p. 329.

вѣніемъ. Это потому, что съ одной стороны громадная масса простаго народа съ суевѣрнымъ страхомъ смотритъ на всякое сокращеніе, такъ что было бы опасно и со стороны власти дѣлать какія либо измѣненія, а съ другой стороны часто было бы физически невозможнымъ для священника и народа, живущаго въ мірѣ, исполнять ихъ или присутствовать при нихъ, если бы онѣ совершались подобающимъ образомъ во всей своей полнотѣ. Кромѣ того, образованные и свѣтскіе классы городского населенія, постоянно увеличивающіеся въ числѣ, на столько же отталкиваются отъ церковнаго богослуженія его продолжительностью, на сколько эта самая продолжительность нравится купцамъ и крестьянамъ. Слѣдствіемъ этого вышло то, что въ церквахъ установилась такая система чтенія положенныхъ канонизмъ, часовъ и большей части каноновъ, по которой все это исполняется съ чрезвычайною быстротою. Всѣ жалуются на такое неблагоговѣніе, стыдятся его, по временамъ даже дѣлались постановленія съ цѣлію исправленія этого недостатка, но—все напрасно. Не смотря на то, что теперь для укороченія службы дѣлается все возможное, — пѣніе происходитъ быстро, положенныхъ повтореній не дѣлается, пѣніе часто замѣняется чтеніемъ, — при всемъ томъ священникамъ, чтецамъ и пѣвцамъ при совершеніи богослуженія въ церквахъ, посѣщаемыхъ высшими классами, приходится дѣлать различные пропуски по своему усмотрѣнію, для того, чтобы сообразовать церковное богослуженіе съ выносливостью своей паствы или собственной физической силы. Все это съ особенною силою выступаетъ въ сезонъ великаго поста, которымъ весьма многіе тяготятся. Другіе однакоже умѣютъ находить въ немъ своего рода утѣшеніе, какъ это выразилъ князь Потемкинъ. «Во время великаго поста, сказалъ онъ, мы сильно худѣемъ, но зато какъ духъ, такъ и тѣло ликуютъ въ ожиданіи Пасхи» ¹⁾).

Вмѣстѣ съ этимъ недовольствомъ установившимися церковно-религіозными формами, Пальмеръ видѣлъ въ то же время полную расшатанность церковно-религіозныхъ началъ въ великосвѣтскомъ обществѣ. Причина этого заключалась отчасти

¹⁾ Palmer, pp. 330—332.

въ воспитаніи, а главнымъ образомъ—въ тѣхъ вѣяніяхъ, которыя переменными вихрями пронеслись по религіозной и умственной жизни этой среды. Князь Мещерскій, бывшій предъ тѣмъ оберъ-прокуроромъ св. Синода, говорилъ ему, что русскіе до послѣдняго времени были очень плохими членами церкви, такъ какъ обыкновенно получали воспитаніе въ рукахъ иностранныхъ протестантскихъ учителей и гувернантокъ. Даже онъ самъ до тридцатилѣтняго возраста былъ вольнодумцемъ, и въ этомъ направленіи онъ былъ воспитанъ своимъ протестантскимъ учителемъ. Такъ какъ духовенство не входитъ въ высшее общество, то молодые люди, по его отзыву, набираются обыкновенно такихъ религіозныхъ понятій, какія въ данное время обращаются въ свѣтскомъ фешенебельномъ обществѣ, а эти понятія—либо протестантскія, либо католическія ¹⁾).

Понятно, какими практическими результатами могло сопровождаться такое религіозное воспитаніе, и Пальмеръ рассказываетъ о нѣсколькихъ личностяхъ, изъ которыхъ такое воспитаніе сдѣлало какихъ-то искателей и искательницъ религіозныхъ приключеній, по минутному настроенію мѣняющихъ свои религіозныя убѣжденія. Такою, напр., является княгиня Потемкина. Еще въ дѣтствѣ, когда она была дѣвочкой, она подпала господствовавшему въ то время модному увлеченію романизма, усердно распространявшагося отцами іезуитами. Сыны Лойолы окружили великосвѣтскую барышню всевозможными заботами своего отческаго попеченія, неотступно внушали ей мысль о томъ, что католическая церковь есть единственный путь ко спасенію и сопротивляться желанію принадлежать къ ней, если бы оно явилось у нея, значило бы совершать смертный грѣхъ противъ Духа Святаго. Понятно, что медоточивыя рѣчи оо. іезуитовъ вскружили голову молодой княжнѣ, у нея явилось страстное желаніе сдѣлаться католичкой, и такое желаніе волновало ее нѣсколько времени. Колеблясь между этимъ желаніемъ и инстинктивнымъ страхомъ за свою православную вѣру, она обратилась за совѣтомъ къ нѣкоторымъ изъ православныхъ духовныхъ

¹⁾ Palmer, p. 284.

лицъ, но тѣ скорѣ увеличили, чѣмъ уменьшили ея религиозную тоску, когда въ качествѣ главныхъ аргументовъ представляли ей скорбь или неудовольствіе ея родителей и знакомыхъ, непристойность оставлять свою собственную вѣру и т. п. Іезуитское вліяніе готово было уже фактически восторжествовать надъ княжной, когда случайно она встрѣтилась съ проповѣдникомъ методизма, который повернулъ ее совершенно въ противоположную сторону. Выслушавъ отъ русской княжны скорбную повѣсть ея религиозныхъ мукъ и сомнѣній, методистъ съ сердечнымъ паѳосомъ воскликнулъ— «*quel manque de foi*» (о, какое маловѣріе!) и сталъ подробно объяснять ей катихизисъ своей «духовной» вѣры, учение о естественномъ состояніи души, объ оправданіи даровою для всѣхъ благодатію, о потребности въ живомъ общеніи со Спасителемъ, объ увѣренности въ едипеніи души съ Нимъ, и тому подобныя положенія методизма. Все это, по словамъ княгини Потемкиной, было тогда ново для нея и озарило ее подобно лучу свѣта. Это новое откровеніе исполнило ее радости, и въ такомъ состояніи она, живя въ Парижѣ, оставалась около четырехъ лѣтъ, такъ что окружающіе ее методисты говорили, что она наконецъ обрѣла Христа или сознавала, что получила спасеніе. Какъ ни сильно было увлеченіе методизмомъ, но и оно не могло навсегда овладѣть княгиней. Мало по малу ей наскучила расплывчатая и сантиментальная сотериологія методистовъ и княгиня перешла къ чтенію болѣе здравыхъ сочиненій англійской богословской литературы. Эта литература открыла ей глаза на воиющіе недостатки бродячаго методизма и направила ея умъ къ здоровой религиозной пищѣ, заключающейся въ твореніяхъ древнихъ отцовъ, которыми она и стала заниматься къ великой пользѣ для своего ума и сердца, и въ концѣ концовъ опять примирилась съ своею церковью, отъ которой оторвали было ее вихри разнообразныхъ увлеченій ¹⁾).

Религиозныя увлеченія въ то время были своего рода эпидеміей, и въ бесѣдахъ съ своими великосвѣтскими друзьями Пальмеру то и дѣло приходилось слышать о жертвахъ этихъ

¹⁾ Palmer, pp. 261, 262, 284, 285.

увлеченій. И какіе только вихри не захватывали заблудшихся овецъ великосвѣтскаго стада! Обѣдая съ однимъ русскимъ княземъ, полковникомъ императорской гвардіи, Пальмеръ услышалъ отъ него печальную повѣсть. Когда князь по православному обычаю готовился исповѣдаться и причаститься на страстной недѣлѣ, вдругъ онъ получилъ отъ своего семейства, жившаго въ то время за границей около Женевы, письмо, въ которомъ старшая его дочь отъ имени матери и двухъ своихъ младшихъ сестеръ писала своему милому папѣ, что всѣ онѣ оставили суевѣріе русской церкви и обратились въ лоно англиканской церкви ¹⁾. Бѣднаго князя удручало особенно не то, что онѣ «оставили суевѣріе русской церкви», а то, что онѣ обратились не туда, куда бы слѣдовало. «Вотъ въ Римѣ, говорилъ онъ, другое дѣло: тамъ пышность и великолѣпіе, ученость и ревность, и если бы я получилъ такое письмо изъ Рима, то я не принялъ бы его такъ къ сердцу. Но обращеніе ихъ въ протестантство — меня крайне опечалило». Что касается до римскаго католицизма, то онъ вообще пользовался благоволеніемъ князя, который, по его заявленію, самъ готовъ признать папу, если бы только можно было доказать, что ап. Петръ когда нибудь былъ въ Римѣ; и еслибы правительство, напр., согласилось на соединеніе съ римско-католическою церковью, то князь «былъ бы первымъ человѣкомъ» изъ тѣхъ, которые признали бы главенство папы ²⁾.

Въ княгинѣ Долгорукой Пальмеръ нашель свое особое религиозное увлеченіе. Она любила ходить въ церковь секты моравскихъ братьевъ и думала, что это нисколько не противорѣчитъ ея православной вѣрѣ. Когда Пальмеръ не соглашался съ ней въ этомъ отношеніи и говорилъ, что такой либерализмъ несомнѣстимъ съ истинною христіанскою любовью, княжна энергически отстаивала правоту своихъ убѣжденій. «Напротивъ, говорила она, вотъ тотъ именно способъ, которымъ католики осуществляютъ свои начала, возстановляютъ и раздражаетъ меня противъ нихъ, и я готова скорѣе

¹⁾ По предположенію Пальмера—въ кальвинизмъ или методизмъ.

²⁾ Palmer, pp. 291, 292.

идти молиться въ храмахъ лютеранъ и кальвинистовъ, чѣмъ съ ними. И притомъ тутъ нѣтъ ничего опаснаго для меня, потому что когда я бываю тамъ, то я даже и не чувствую, что была вовсе въ церкви». — «Вашъ примѣръ, однакоже, замѣтилъ Пальмеръ, можетъ увлечь къ тому же и другихъ, которымъ это можетъ принести серьезный вредъ. Исключительная ревность и любовь у папистовъ убѣждаетъ и увлекаетъ къ тому, что они провозглашаютъ единою истинною церковью, между тѣмъ какъ ваша безграничная терпимость (*latitudinarian tolerance*) никогда не поможетъ хоть когонибудь изъять отъ огня». Въ это время вошелъ князь Долгорукий и, присоединившись къ собесѣдникамъ, ссылаясь на Библию въ доказательство того, что всѣ тѣ истинные христіане, которые исповѣдуютъ Иисуса Христа и повинуются своей совѣсти. Но этотъ принципъ даже княгиня показала слишкомъ широкимъ, и она замѣтила, что князь заходитъ ужь слишкомъ далеко ¹⁾).

Въ семействѣ Рюминыхъ англиканскій богословъ съ удивленіемъ встрѣтился съ новымъ своеобразнымъ увлеченіемъ. По своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, обнаруженнымъ въ религіозномъ разговорѣ, Рюминъ напомнилъ Пальмеру ученіе квакеровъ и, какъ послѣ оказалось, былъ ревностнымъ распространителемъ квакерства. У него Пальмеръ нашелъ цѣлыя кипы квакерскихъ брошюръ и трактатовъ, которые онъ и распространялъ повсюду между англичанами. Такой фактъ не могъ не поразить англиканскаго богослова и онъ замѣтилъ русскому квакеру: «вы заразились опасными идеями» ²⁾).

Наиболѣе продолжительную богословскую бесѣду Пальмеръ имѣлъ въ Москвѣ съ княгиней Мещерской. Она оказалась очень начитанной въ богословской литературѣ и въ свою очередь прошла обычную школу увлеченій. Ея воспитаніе совпало съ эпохой господствовавшего у насъ въ концѣ прошлаго столѣтія французскаго вольнодумства и религіознаго скептицизма, но отъ этой болѣзни она излечена была докторомъ Пинкертономъ, извѣстнымъ агентомъ англо-континентальнаго библейскаго общества въ Россіи. Онъ вновь про-

¹⁾ Palmer, p. 408, 409.

²⁾ Palmer, p. 235, 409.

будиль въ вей усыпленный французскимъ воспитаніемъ религиозный инстинктъ и развилъ вкусъ къ богословской литературѣ, конечно того типа, представителемъ и распространителемъ котораго служило это общество. На княгинѣ Мещерской сильно отразилось вліяніе идей этого общества, что сразу бросилось въ глаза Пальмеру, который и приводитъ въ своихъ запискахъ неденный съ нею продолжительный разговоръ съ тою цѣлю, чтобы «иллюстрировать тотъ типъ либеральнаго евангелизма, слѣды котораго не разъ уже отмѣчались имъ въ воспоминаніяхъ о разговорахъ съ русскими, особенно съ религиозными и образованными дамами»¹⁾.

Разговоръ прежде всего коснулся вопроса о церкви и княгиня Мещерская сказала англиканскому богослову: «Я вѣрую во внутреннюю или существенную церковь, которая согласна съ библіей, а что касается отдѣльныхъ внѣшнихъ церквей, то ни одна изъ нихъ не совершенна. Даже во времена апостоловъ—и то уже были раздѣленія и весьма различныя духовныя состоянія въ различныхъ церквахъ».

— Но вѣдь церковь была нѣкогда единою въ видимомъ и внѣшнемъ общеніи въ продолженіе 1200 лѣтъ, и опять можетъ стать таковою,—замѣтилъ Пальмеръ, намекая на возможность церковнаго единенія въ идеѣ каѳоличности.

— Это пріятная лишь мечта. Въ дѣйствительности это вещь совершенно невозможная. Раздѣленіе на первыхъ порахъ произошло отъ нравственной испорченности и злыхъ вождѣлѣннй христіанъ. Со временемъ мало-по-малу образовалось даже убѣжденіе, что раздѣленіе и пребываніе въ немъ есть почти необходимость органическаго строенія общества. Первоначальное раздѣленіе продолжалось и увеличивалось. Нѣтъ, этому не будетъ конца до самаго пришествія Христа, когда, едва найдя вѣру на землѣ, Онъ долженъ будетъ вновь перестроить внутреннее и небесное домостроительство. Возьмемъ римско-католическую общину: она имѣетъ свои недостатки; насколько она имѣетъ существенную вѣру — она очень хороша; но насколько люди придали ей и исказили ее,

¹⁾ Palmer, p. 498. Изагаемыя выше вкорокъ бесѣды съ княгиней Мещерской у Пальмера занимаютъ три главы: CXVI, CXVII и CXVIII.

она очень дурна. У васъ есть своя англиканская церковь; во многомъ вы надѣлали ошибокъ, но вы имѣете то, что необходимо, — чего же вамъ еще больше? Русская церковь, греческая церковь — измѣнена и искажена менѣе, чѣмъ папская церковь, единственно, какъ мнѣ кажется, потому, что обстоятельства были различныя и ея прелаты не были искушаемы, подобно римскимъ, богатствами и владычествомъ. И все-таки она также имѣетъ свои недостатки. Люди ввели въ нее свои прибавленія и измышленія. Такъ, въ ней есть почитаніе святыхъ.

Такой «либеральный евангеликализмъ» русской княгини смутилъ англиканскаго богослова, и онъ принужденъ былъ пустить въ дѣло запасъ своей богословской аргументаціи, чтобы доказать княгинѣ естественность и правоту ученія о почитаніи святыхъ, конечно ограничивая его сообразно своей собственной точкѣ зрѣнія, и замѣтилъ, что употребляемый ею языкъ — совершенно протестантскій и недостойнъ языка православной русской. Общее замѣчаніе княгини, что ни одна изъ существующихъ церквей не совершенна, имѣетъ свои недостатки, нашло полное согласіе въ Пальмерѣ, который подтвердилъ его своими оксфордскими идеями, но это подало поводъ княгинѣ въ свою очередь отмѣтить непоследовательность самого Пальмера. «Если вы соглашаетесь со мной, сказала она, въ томъ, что во всякой церкви есть свои недостатки и вещи, подлежащія измѣненію, то зачѣмъ же вы имѣете въ виду оставить одну церковь, чтобы перемѣнить ее на другую? Вѣдь это значило бы перемѣнить одни недостатки на другіе. Истинная, существенная вѣра библіи одна и та же во всѣхъ».

— Я желаю не оставить англійскую церковь, чтобы принять русскую, но соединить ихъ. Мы отнюдь не должны оставлять своей собственной церкви просто потому, что она имѣетъ недостатки, до тѣхъ поръ, пока вѣруемъ, что она составляетъ часть истинной церкви, и никто не можетъ сдѣлать этого безъ грѣха. Но что вы разумѣете подъ «отдѣльными церквями» и подъ «вѣрой библіи, которая одна и та же во всѣхъ ихъ»? Мы вѣруемъ, что есть только одна церковь, и она какъ видима, такъ и невидима.

— Гдѣ же она, и какая именно церковь? спросила княгиня.

— Спросите во всякой странѣ, и вамъ вездѣ укажутъ ее, даже сектанты. Римская церковь—въ Римѣ, англійская въ Англии, русская въ Россіи. Если гдѣ притязаніе на титулъ церкви покажется сомнительнымъ, то можно обратиться къ эпитетамъ истинной церкви, каковы: православная, католическая, апостольская, и подобныя, и по нимъ можно опредѣлить, какая древняя первоначальная церковь въ той или другой странѣ. Опять, исторически мы можемъ прослѣдить единство всей церкви въ продолженіи 1100 или 1200 лѣтъ, и, не смотря на внѣшнія несогласія и раздѣленія между ними, мы все-таки еще видимъ слѣды трехъ апостольскихъ общинъ, которыя до этого раздѣленія были едино, и которыя, въ сущности, если несогласіе есть только поверхностное, пребываютъ въ единствѣ истины и доселѣ. Но если вы включите въ ваше понятіе видимой церкви всѣ тѣ секты, которыя возстановили библію противъ церкви, или скорѣе свое мнимое право судить и учить противъ долга и права церкви учить и судить, и свое частное пониманіе Св. Писанія противопоставили ея апостольскому и католическому толкованію,—тогда всякій истинный англичанинъ долженъ будетъ не согласиться съ вами.

— Я не разумѣю ничего подобнаго, — сказала княгиня. Библія ничего не говоритъ о правѣ непослушанія или о человѣческихъ церквахъ. Образованіе и управленіе церкви, говорится въ Библии, должно совершаться посредствомъ апостольской миссіи и власти. Конечно, церкви принадлежитъ право учить, но съ другой стороны скажите мнѣ, пожалуйста, что вы разумѣете, когда говорите о вѣрѣ и ученіи тѣхъ частей ея, которыя вы признаете апостольскими. Въ чемъ состоитъ вѣра и ученіе, въ которыхъ эти части согласны между собою?

— Потребовалось бы много времени для того, чтобы перечислить всѣ пункты согласія. Всѣ онѣ согласны между собой во всѣхъ членахъ никео-константинопольскаго Символа и въ общемъ настолько согласны въ ученіи о церкви и таинствахъ, чтобы остерегаться противъ ересей протестантизма.

Кромѣ того, всѣ онѣ согласны въ томъ, что всѣ христіане должны быть крещены и соблюдать четыре вещи, изложенныя въ концѣ второй главы Дѣяній Апостольскихъ (постоянное пребываніе въ ученіи апостоловъ, въ общеніи, въ преломленіи хлѣба и въ молитвахъ—II, 42).

— Да, все это находится въ Библии; я совершенно съ вами согласна. Если такова ваша церковь и вѣра, то я нѣкоторымъ образомъ членъ ея,—согласилась русская княгиня.

Для того, чтобы познакомить княгиню съ идеями оксфордскаго общества, Пальмеръ далъ ей для прочтенія изданіе этого общества, подъ названіемъ «Простыя рѣчи». При слѣдующей встрѣчѣ княгиня сказала Пальмеру, что она читала эти «рѣчи» съ большимъ удовольствіемъ. «Я думаю перевести нѣкоторые изъ нихъ на русскій языкъ и издать ихъ», сказала она. Недавно я вотъ перевела и издала сочиненіе Бакстера—«Покой святыхъ».—Пальмеръ удивился и спросилъ:—неужели цензоры пропускаютъ такія книги?

— Они дѣлаютъ по своему усмотрѣнію нѣкоторые измѣненія, но эти измѣненія обыкновенно ничтожныя и не имѣютъ никакого значенія.

— Но все-таки кажется должно быть нелегко — книгу, написанную на началахъ ложной доктрины, сдѣлать пригодною для употребленія православнаго христіанина, — съ легкимъ сарказмомъ замѣтилъ Пальмеръ.

— Что касается меня, то я не вижу различія между богословіемъ «простыхъ рѣчей» и книгами англійскихъ диссентеровъ. Я одинаково читаю назидательныя книги писателей обоихъ этихъ классовъ, и не вижу различія, потому что не ищу его.

— Тѣмъ не менѣе,—отвѣтилъ Пальмеръ,—легко видѣть, что вы читаете по преимуществу сектантскихъ писателей, и ваши понятія и языкъ сильно окрашены ихъ своеобразными и, какъ мы думаемъ, крайне ошибочными мнѣніями.

По поводу сообщенія княгини Мещерской о дѣятельности въ Россіи библейскаго общества, Пальмеръ замѣчаетъ, что русскіе повидимому не имѣли никакого понятія о томъ, какой тонкій ядъ сокрытъ былъ и заключался въ каждой частицѣ просвѣщенной ревности или ревности о просвѣщеніи,

какою отличалось это общество, и какъ онъ далъ о себѣ знать въ мнѣніяхъ, заявленныхъ его великосвѣтскою соборною сѣдницей. «Госпожа Мещерская, говоритъ онъ, была жертвою, какъ и долженъ назвать ее, одного изъ двухъ религиозныхъ движеній противъ Православной церкви, которыя были произведены или поддерживаемы двумя антагонистическими обществами и слѣды которыхъ видны были на предъидущихъ страницахъ, именно общества иезуитовъ и общества библейскаго. Каждое изъ нихъ имѣло временный успѣхъ, но наконецъ сначала одно, а затѣмъ и другое были насильственно извергнуты изъ страны, какъ скоро правительство и іерархія увидѣли, что какъ то, такъ и другое своими различными сторонами противодѣйствовало церковнымъ преданіямъ и народнымъ понятіямъ Россіи» ¹⁾). Вліяніе библейскаго общества, произведшаго крайнее шатаніе богословской мысли въ великосвѣтской средѣ, было настолько сильно, что отъ него не свободны были и нѣкоторые члены высшей церковной администраціи. Такъ г. Скрипидинъ, занимавшій одинъ изъ высшихъ постовъ въ синодальной администраціи, говорилъ Пальмеру: «Наша церковь, какъ и мы сами, имѣетъ одну хорошую сторону: это ея терпимость. Мы не то, что Римъ, который анаематствуетъ всѣхъ другихъ. Мы имѣемъ свою собственную обрядность, но можемъ быть въ мирѣ съ другими, потому что въ существѣ всѣ едино. Всѣ мы поклоняемся одному и тому же Христу, а все остальное составляетъ предметъ сравнительнаго безразличія» ²⁾). Такой взглядъ показался Пальмеру крайне ошибочнымъ и на этотъ либеральный «евангеликализмъ» синодальнаго чиновника англиканскій богословъ отвѣтилъ: «Я не могу допустить двухъ или болѣе вѣръ, какъ, повидимому, допускаете вы, но думаю, что или мы одной и той же вѣры, или же одинъ изъ насъ еретикъ. Существуетъ только одна вѣра, одна церковь, одно крещеніе...»

При такой распатанности богословской мысли въ великосвѣтской средѣ Пальмеру конечно трудно было установить

¹⁾ Palmer, гл. СХІХ, р. 515, 516.

²⁾ Palmer, р. 372, 373.

правильную точку зрѣнія на свою схему католическаго единенія церквей. Когда онъ заводилъ о ней рѣчь, то встрѣчалъ или крайній конфессіонализмъ, грозившій ужасами народныхъ возстаній и кровопролитій отъ осуществленія этой схемы, или крайній индифферентизмъ, который настолько мало придавалъ значенія конфессіональнымъ формамъ церковной жизни, что Пальмеру приходилось вводить своихъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ въ предѣлы разумной ортодоксіи, или, наконецъ, такой либеральный евангеликализмъ, который въ принципѣ противорѣчилъ идеѣ оксфордскаго движенія и такимъ образомъ разбивалъ всякую надежду на установленіе прочнаго церковнаго единства, созданнаго на строгихъ началахъ католичности. Понятно, что въ этой средѣ Пальмеръ не могъ добиться болѣе или менѣе правильной и серьезной оцѣнки своей схемы. Для этого онъ долженъ былъ обратиться къ кому нибудь изъ строгихъ выразителей православной богословской мысли, и онъ обратился къ Филарету московскому.

А. Лопухинъ.

(Окончаніе будетъ).

Церковно-религіозна жизнь и богословская мысль въ Россіи по запискамъ англичанина Пальмера.

VII ¹⁾.

Богословная бесѣда Пальмера съ Филаретомъ московскимъ. — Вопросъ объ англиканской литургіи. — Основы общенія. — Существенные догматы и богословскія мнѣнія. — Формальное опредѣленіе Церкви съ точки зрѣнія Оксфордской доктрины. — Мнѣніе Филарета о членахъ вѣры англиканства и его формальный отвѣтъ Пальмеру. — Отвѣтъ св. Синода. — Несостоятельность схемы англиканскаго богослова. — Его заключительные выводы о богословской мысли въ Россіи.

Въ бесѣдахъ съ различными представителями русской церкви Пальмеру не разъ приходилось слышать указанія на митрополита Филарета московскаго, какъ на высшій богословскій авторитетъ, къ которому онъ долженъ былъ обратиться за окончательнымъ рѣшеніемъ его дѣла. Богословская слава Филарета въ то время стояла уже на высокой степени. Въ области богословской мысли онъ занималъ самое видное положеніе. Его катихизисъ по точности и ясности формулировки православнаго ученія сдѣлался символическою книгою русской Церкви, по силѣ, оригинальности и гибкости языка сталъ классическимъ произведеніемъ русской литературы. Всѣ смотрѣли на него, какъ на гениальнаго представителя русской богословской мысли, и дѣйствительно, это былъ великій богословскій умъ, который съ легкостію гениальнаго созерцанія проникалъ въ сущность труднѣйшихъ церковно-богословскихъ проблеммъ и давалъ на нихъ отвѣты, поражаю-

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрьскую кн. «Странника». «Странникъ» № 44. Т. III. 1883 г.

ще какъ ясностью и широтою взгляда, такъ и особенно точностью и выдержанностью православно-русской точки зрѣнія. Въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ, письмахъ, резолюціяхъ, которыя доселѣ непрерывно воспроизводятся въ нашихъ духовныхъ журналахъ, заключается неисчерпаемый матеріалъ для характеристики этого колоссальнаго ума, который въ каждомъ словѣ давалъ программу и въ каждомъ положеніи открывалъ безпредѣльный кругозоръ для развитія богословской мысли. Отличаясь изумительною всесторонностью, богословскій разумъ Филарета не только обнималъ всѣ стороны внутренней церковной жизни, но выходилъ и далеко за ея предѣлы: съ замѣчательною зоркостью слѣдилъ за движеніемъ мысли и жизни всего христіанскаго міра, быстро угадывалъ его внутренній смыслъ, давалъ ему истинное истолкованіе и указывалъ то отношеніе, которое оно имѣло къ православной Церкви. Вслѣдствіе этого онъ не упускалъ изъ вида и движеній, начинавшихся на западѣ въ пользу сближенія съ православнымъ Востокомъ. Но какъ глубокій богословъ, лучше другихъ понимавшій, въ какихъ глубокихъ слояхъ церковно-исторической и культурной жизни кроются причины и корни раздѣленія христіанскаго міра, онъ осторожнѣе всѣхъ другихъ относился къ движенію въ направленіи единства, и когда своимъ проницательнымъ взглядомъ видѣлъ, что движеніе не имѣетъ достаточной внутренней интенсивности, чтобы привести къ какимъ либо положительнымъ результатамъ, то однимъ прямымъ словомъ открывалъ его несостоятельность и обнаруживалъ богословскую незрѣлость тѣхъ, которые съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, трудились съ цѣлю поддержать фиктивное движеніе.

Англиканскому богослову небезызвѣстны были эти особенности ума Филарета московскаго, и потому, надо полагать, онъ не безъ смущенія увидѣлъ предъ собою этого мудраго іерарха, когда представленъ былъ ему графомъ Протасовымъ. Между ними произошла довольно продолжительная богословская бесѣда, записанная Пальмеромъ. Бесѣда велась на латинскомъ языкѣ. Бесѣду началъ Филаретъ и именно съ того пункта, который давалъ больше матеріала для положительныхъ богословскихъ заключеній и меньше простора для

бесплодныхъ словопреній,—съ вопроса о литургіи. Вопросъ этотъ, какъ тогда, такъ и теперь, составляетъ самый жизненный вопросъ англиканской церкви. Литургія представляетъ собою фактическое показаніе церковнаго вѣроученія, въ ней яснѣе и полнѣе всего отображается внутренній смыслъ вѣроисповѣдной системы. Это съ поразительною ясностью доказывается судьбою литургіи англиканской церкви. Заимствованная у римской церкви, англиканская литургія со времени реформаціи подвергалась постепенному процессу видоизмѣненія; съ проникновеніемъ въ англиканскую церковь протестантскихъ началъ, она все болѣе и болѣе протестантизировалась и наконецъ дошла до теперешней формы, которая представляетъ какіе-то жалкіе обломки древней литургіи, лишенные жизненнаго нерва литургическаго богослуженія. Такое состояніе литургіи въ англиканской церкви въ настоящее время составляетъ предметъ серьезныхъ заботъ всѣхъ мыслящихъ богослововъ церкви, и въ американской епископальной церкви идетъ сильное движеніе къ возстановленію древней формы литургіи, движеніе, во главѣ котораго стоитъ извѣстный епископъ флоридскій Юнгъ, недавно помѣстившій въ органѣ епископальной церкви (*The American Church Review*) рядъ статей по вопросу о возстановленіи древней формы и внутренняго смысла въ англиканской литургіи ¹⁾. То, къ сознанію чего англиканская богословская мысль пришла только теперь, митрополитъ Филаретъ сознавалъ уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и въ своей бесѣдѣ съ Пальмеромъ прежде всего обратилъ вниманіе на эту сторону дѣла.

«Я очень радъ видѣть насъ, сказалъ онъ Пальмеру, и слышать, что ваша церковь сочувствуетъ единенію и почитаетъ древность»,—и затѣмъ, чтобы провѣрить это положеніе,

¹⁾ Статьи эти теперь вышли отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: *Papers on liturgical Enrichment, by the right Reverend I. F. Jung, bishop of Florida, New-York, 1883*, и имѣютъ такой глубокой интересъ въ литургическомъ отношеніи, что не было бы излишнимъ болѣе подробно познакомиться съ ними русскую публику. Епископъ Юнгъ извѣстенъ какъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ «греко русскаго» комитета по сношенію съ православнымъ востокѣмъ. Онъ не мало путешествовалъ на востокъ, былъ въ Россіи и принадлежитъ къ числу немногихъ въ Америкѣ знатоковъ исторіи и жизни православной Церкви.

перешелъ къ вопросу объ англиканской литургiи и ея отношенiю къ литургiямъ православной церкви. «Наши литургiи, сказалъ онъ, самыя древнiя; латинская церковь во многихъ пунктахъ измѣнила свою литургiю къ худшему, опустивъ, на-примѣръ, призванiе св. Духа; мы же на востокѣ крѣпко держимся преданiя апостольскаго и примѣра нашего Господа— какъ въ отношенiи качества хлѣба (*ἄρτος*, а не *ἄζυμος*), такъ и единства хлѣба». Пальмеръ отвѣчалъ, что въ этомъ они согласны съ востокомъ, на что митрополитъ опять выразилъ свое удовольствiе: «Я радъ слышать, что вы теперь почитаете древность», сказалъ онъ ¹⁾. Это замѣчанiе затрогивало самую большую сторону англиканизма, безсильно борющагося между платоническою любовью къ древнему церковному преданiю и дѣйствительнымъ попраниемъ его, какъ въ этомъ сознаются сами англикане. Лордъ Кланрикардъ, бывшiй въ то время англiйскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ въ Петербургѣ, говорилъ своимъ русскимъ друзьямъ объ англиканской церкви: «Если вы станете читать книги многихъ изъ нашихъ первоклассныхъ богослововъ, то вы подумаете, что между нашею церковью и вашею совсѣмъ нѣтъ или мало различiя. То же самое, если вы взглянете въ наши богослужебныя книги. Но если бы вы были въ Англiи и вошли въ наши церкви, то вы бы не нашли ничего такого. Вы не можете и представить себѣ, до какой степени онѣ обнажены и лишены благолѣпiя, и какъ безжизненны и безцвѣтны въ нихъ службы и обряды. Все это доведено до такой степени, что онѣ сдѣлались достойными презрѣнiя въ нашихъ глазахъ» ²⁾. Въ оправданiе своей церкви Пальмеръ поспѣшилъ отвѣтить: «Наша церковь, сказалъ онъ, всегда предпочитала слѣдовать древности, и, вмѣстѣ съ своими XXXIX членами вѣры, сдѣлала въ 1571 году обязательнымъ для всего своего духовенства правило — *ut ne quid unquam pro concione doceant, quod a populo religiose teneri et credi velint etc.*, ничего не проповѣдывать касательно вѣры, кромѣ того, что содержится въ Св. Писанiи и что вселевскiе отцы и древнiе

¹⁾ Palmer, Chapter LXXIV, p. 349.

²⁾ Palmer, Chapter XCII, p. 414.

епископы собрали изъ него». — «Правило это очень хорошо», сказали въ одинъ голосъ и митрополитъ, и оберъ-прокуроръ, и, ободренный этимъ, Пальмеръ замѣтилъ, что въ двухъ изъ трехъ литургій, находящихся въ употребленіи у англиканъ, сдѣланы нѣкоторыя поправки въ духъ древности, возстановлено возношеніе даровъ и призываніе Св. Духа вслѣдъ за произнесеніемъ словъ Христовыхъ. На вопросъ о происхожденіи англиканскихъ литургій, Пальмеръ отвѣчалъ, что онѣ въ большей своей части заимствованы у римской церкви, особенно со времени норманскаго и англосаксонскаго владычества; но до этого, и именно до конца VI вѣка, британскія церкви имѣли свои собственныя литургіи, подобно тому, какъ имѣли свои литургіи и церкви французскія и испанскія. Исторія англиканской литургіи дала поводъ къ сравненію ея между собою въ различныхъ періодахъ ея существованія, и при этомъ выяснился тотъ фактъ, что въ настоящее время въ ней опущены существенныя части, входившія въ составъ ея въ прежнее время, напр. молитвы за умершихъ. Этотъ фактъ могъ служить краснорѣчивымъ показателемъ видоизмѣненія самаго характера вѣроученія англиканской церкви, и изъ него можно было заключать, что въ настоящее время англиканская церковь не признаетъ молитвъ за умершихъ. Пальмеръ отвѣчалъ на это, что хотя эти молитвы опущены изъ литургіи, но онѣ не отвергаются и не осуждаются, и въ исключительныхъ случаяхъ вносятся въ литургію, и этотъ вопросъ даже былъ предметомъ юридическаго рѣшенія. Причина, почему эти молитвы, прежде входившія въ служебникъ, были впослѣдствіи опущены, заключалась, по мнѣнію Пальмера, въ томъ, что въ народномъ сознаніи онѣ связывались съ ученіемъ о чистилищѣ, приводившемъ къ столькимъ злоупотребленіямъ въ церковной жизни. «Та политическая свобода, которою вы пользуетесь въ Англіи, сказали оба русскіе собесѣдники англиканскаго богослова, повидимому не очень благопріятна церковному смиренію и дисциплинѣ». «Нѣтъ, съ жаромъ отвѣчалъ Пальмеръ, это дьявольская свобода, и всякое политическое возмущеніе исходитъ отъ корня религіознаго возмущенія. Кто возсталъ противъ своего

Бога, тотъ не постѣснится возстать и противъ своего государя» ¹⁾).

Чтобы скорѣе перейти къ главному вопросу, графъ Протасовъ попросилъ Пальмера изложить тѣ основанія, на которыхъ онъ добивался допущенія его къ общенію съ православною церковью, и онъ сказалъ: «Въ Символѣ вѣры мы исповѣдуемъ, что Церковь едина, и мы вѣруемъ въ единство Церкви». Эта формула выражала суть оксфордской доктрины, но она была настолько обща, что не давала реального представленія о дѣлѣ, «и митрополитъ замѣтилъ, что, Церковь *должна бы* быть едина, но въ дѣйствительности этого нѣтъ», а когда Пальмеръ сказалъ, что существующее раздѣленіе нечестиво и плачевно, то митрополитъ согласился съ нимъ, прибавивъ, что «единство, безъ сомнѣнія, весьма желательно». Пальмеръ сталъ дальше выяснять свои воззрѣнія на общеніе церквей, и говорилъ: «Наша церковь никогда не отлучала греческихъ церквей, а также и латинскихъ церквей континента; мы отлучаемъ только тѣхъ латинянъ, которые находятся въ Англіи и въ Ирландіи, въ Греціи и въ Россіи, отлучаемъ, какъ схизматиковъ». Такой взглядъ показался Филарету недостаточно яснымъ и онъ сказалъ, что не можетъ понять его. «Латиняне, возразилъ онъ, гдѣ бы они ни находились, составляютъ одно и то же съ латинянами континента. Если съ ними можно имѣть общеніе внѣ предѣловъ вашей страны, то они должны быть въ единеніи съ вами и на родинѣ. Если же вы ихъ отлучаете у себя дома, то они должны быть отлучаемы и повсюду». Возраженіе это совершенно правильно съ православной точки зрѣнія, но оно не принимало во вниманіе сущности оксфордской доктрины, съ точки зрѣнія которой Пальмеръ велъ свои переговоры объ единеніи церквей, и потому онъ продолжалъ: «Да, еслибы они были еретики; но мы отлучаемъ ихъ у себя дома не какъ еретиковъ, а какъ схизматиковъ. Мірянинъ у насъ можетъ держаться всѣхъ заблужденій папизма въ качествѣ богословскихъ мнѣній, какъ бы они ни порицались нашею церковью, и онъ не будетъ за это отлученъ, если только

¹⁾ Palmer; p. 349—351.

онъ внѣшнимъ дѣйствіемъ не обнаружить возстанія противъ церковной власти». Это замѣчаніе повело къ серьезному вопросу о той свободѣ, которую церковь можетъ дозволить своимъ членамъ въ предѣлахъ своей юрисдикціи, и тутъ оказалась разница во взглядахъ между русскимъ и англиканскимъ богословами. Первый замѣтилъ, что такой свободы, на которую указалъ Пальмеръ, нельзя допускать въ Церкви, такъ какъ общеніе требуетъ строжайшаго единства вѣры; но англиканскій богословъ продолжалъ развивать свою мысль въ этомъ направленіи. «По существу дѣла такая свобода можетъ имѣть мѣсто, но въ дѣйствительности едва ли можетъ быть такой случай, такъ какъ тотъ, кто сталъ бы держаться всѣхъ заблужденій римскихъ, конечно, держался бы между ними и ученія о необходимости общенія съ Римомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, какъ говорите ваше преосвященство, для общенія требуется строжайшее единство вѣры, но тогда возникаетъ вопросъ, чтó же такое въ сущности вѣра, и наша церковь дѣлаетъ великое различіе между тою вѣрою, которую каждый долженъ содержать всецѣло и неуклонно, и второстепенными богословскими мнѣніями, которыя не составляютъ ни существенныхъ догматовъ, если они вѣрны, ни ересей, если они ложны. Мы думаемъ, что есть основы въ ученіи и вѣрѣ». Митрополитъ стоялъ на своемъ и говорилъ, что Церковь должна быть совершенно единою въ вѣрѣ, но Пальмеръ продолжалъ: «Правильно или нѣтъ, но наша церковь дѣлаетъ такое различіе. Мы никогда не обвиняли папистовъ въ формальной ереси. За предѣлами необходимой вѣры, мы, поэтому, должны обращать вниманіе не столько на тождество мнѣнія, сколько на законность мѣстнаго алтаря или кафедры, различать въ каждой части свѣта истинную церковь и содѣйствовать ея единству»¹⁾).

Затронутый вопросъ былъ настолько серьезенъ, что едва ли могъ быть рѣшенъ окончательно въ одной словесной бесѣдѣ. Филаретъ, твердо стоявшій на почвѣ строгой ортодоксіи, естественно отрицалъ допускаемое Пальмеромъ различіе между существенными догматами и второстепенными мнѣ-

¹⁾ Palmer, p. 353.

ніями, такъ какъ такое различіе не соответствовало органической цѣлостности православія, гдѣ все находится въ такой тѣсной связи между собою, что нарушение въ одномъ пунктѣ ведетъ къ замѣшательству во всемъ церковномъ организмѣ; и притомъ такое различіе можетъ вносить произволь въ церковное вѣроученіе и вызываетъ вопросъ о томъ, кому предоставлено право опредѣлять, что въ церковномъ вѣроученіи существенно, и что несущественно. Тѣмъ не менѣе нельзя вполне и отрицать такого различія. «Ни одна церковь никогда не отрицала такого различія, и не можетъ обойтись безъ него», какъ сказалъ Пальмеръ, который и иллюстрировалъ это положеніе церковно-историческими примѣрами. Отрицать его, значило бы отрицать всякую свободу въ сферѣ церковно-религіознаго міросозерцанія, что было бы противно одному изъ существенныхъ принциповъ Православія, по которому, при неизмѣнной твердости основныхъ догматовъ, установленныхъ голосомъ вселенской Церкви, допускается широкая свобода частныхъ мнѣній, какъ необходимое условіе поступательнаго развитія церковно-религіознаго міросозерцанія. Вслѣдствіе этого Филаретъ не могъ не согласиться съ положеніемъ англиканскаго богослова, допустилъ возможность различія между существенными догматами и второстепенными богословскими мнѣніями, хотя обусловилъ это согласіе замѣчаніемъ, что между послѣдними нѣкоторыя имѣютъ столь важное значеніе въ системѣ догматики, такъ тѣсно связаны съ существенными догматами и практически такъ неразрывны съ ними, что терпѣть ихъ въ частномъ членѣ церкви было бы несомѣстимо съ единствомъ общенія или вѣры.

«Такъ вы, значить, универсалистъ, обратился къ Пальмеру графъ Протасовъ, — вы допускаете совмѣстно какъ латинскихъ, такъ и греческихъ святыхъ». — «Конечно, допускаю». отвѣтилъ тотъ, а митрополитъ замѣтилъ, что флорентійскій соборъ готовъ былъ дѣлать то же самое ¹⁾).

Всѣ отмѣченныя выше мысли Пальмера имѣютъ органическую связь съ тѣмъ общимъ понятіемъ о Церкви, которое выработано было оксфордской школой. Частныя черты этого

¹⁾ Palmer, p. 354.

понятія выступаютъ въ каждомъ словѣ и положеніи англиканскаго богослова, но для полнаго и яснаго пониманія сущности оксфордской доктрины касательно идеи Церкви недоставало еще точнаго формальнаго опредѣленія Церкви. Вслѣдствіе этого оберъ-прокуроръ попросилъ Пальмера изложить митрополиту его собственное опредѣленіе видимой Церкви, и онъ сдѣлалъ это слѣдующимъ образомъ: «Единая видимая католическая Церковь на землѣ, истинное продолженіе и представительница церкви, основанной въ Иерусалимѣ въ день Пятидесятницы, въ настоящее время, вслѣдствіе различій касательно второстепенныхъ вещей, раздѣлена на три мѣстныя части, всѣ согласныя въ существѣ вѣры, именно православную восточную церковь и западную, причемъ послѣдняя подраздѣляется еще на континентальную и британскую. Въ своихъ относительныхъ областяхъ каждая имѣетъ первоначальную и законную юрисдикцію. Если же, вслѣдствіе фактическихъ несогласій между ними, какой-либо епископъ одной изъ нихъ старается отвлечь христіанъ отъ другихъ двухъ, чтобы организовать изъ нихъ особые приходы его собственнаго вѣроисповѣданія, дѣлая такимъ образомъ пункты различія пунктами существенной вѣры, то мы говоримъ, что эти новые приходы схизматическіе».

— Такъ вы допускаете, что восточная, латинская и британская церкви составляютъ едино?— замѣтилъ Филаретъ.

— Да, отвѣчалъ Пальмеръ, каждая въ своей первоначальной области, не иначе.

— Я не понимаю этого. Многіе у васъ держатся такой теоріи?—спросилъ митрополитъ, заинтересованный оригинальнымъ взглядомъ на Церковь.

— Высокопреосвященный митрополитъ,—отвѣчалъ Пальмеръ,— это не теорія, но то опредѣленіе видимой Церкви, которое имѣетъ мѣсто въ молитвахъ и формальныхъ актахъ нашей церкви и имѣетъ за себя общее свидѣтельство нашихъ богослововъ.

— Все это—матеріалъ для какогонибудь будущаго собора, но онъ не можетъ быть обсуждаемъ съ отдѣльными лицами, сказалъ Филаретъ, и затѣмъ продолжалъ:—вашъ языкъ довольно пригоденъ для четвертаго вѣка, но онъ неумѣстенъ

при теперешнемъ состоянїи міра. Конечно желаніе единства общенія весьма хорошо и похвально; надо надѣяться, что эти чувства станутъ общими и тогда въ надлежащее время могутъ быть приняты необходимыя мѣры властями съ обѣихъ сторонъ. При теперешнемъ же состоянїи вещей, мы не можемъ имѣть дѣло съ отдѣльными лицами. Теперь во всякомъ случаѣ существуетъ раздѣленіе»¹⁾).

Приговоръ этотъ былъ довольно рѣшительный для практическаго приложенія схемы англиканскаго богослова. Она, очевидно, не подходила подъ строго-православную точку зрѣнія Филарета, но онъ во всякомъ случаѣ заинтересовался самымъ вопросомъ и пожелалъ ближе ознакомиться съ символическою книгою англиканизма, извѣстными XXXIX членами вѣры. Пальмеръ предложилъ ему эти члены для прочтенія вмѣстѣ съ своимъ введеніемъ къ нимъ. При слѣдующемъ свиданїи, высокопреосвященный митрополитъ говорилъ ему: «Я читалъ ваше введеніе, и думаю, что оно гораздо болѣе православно и гораздо болѣе сообразно съ ученіемъ и духомъ восточной церкви, чѣмъ самые члены, о которыхъ оно трактуетъ. Въ нихъ содержатся многія ошибочныя положенія, которыя у насъ не могутъ быть допущены». Пальмеръ самъ хорошо сознавалъ это и въ своемъ введенїи старался, насколько возможно, сгладить эти шероховатости символической книги своей церкви. Но фактъ оставался фактомъ. Его введеніе было его личнымъ произведеніемъ, а члены были документомъ церковнымъ. Отвѣчая на послѣднее замѣчаніе высокопреосвященнаго Филарета, онъ тѣмъ не менѣе старался установить болѣе благоприятную точку зрѣнія на члены своей церкви, чѣмъ какая обусловливалась ихъ прямымъ внутреннимъ содержаніемъ.

«Наша церковь, говорилъ онъ, конечно предполагала, что ея члены будутъ принимаемы и толкуемы въ католическомъ и православномъ смыслѣ, такъ какъ тотъ же самый синодъ, который принялъ ихъ и сдѣлалъ обязательными для духовенства, установилъ также слѣдующее правило: проповѣдники должны тщательно стараться о томъ, чтобы никогда не про-

¹⁾ Palmer, p. 355.

повѣдывать въ рѣчахъ ничего подлежащимъ религіозному вѣрованію народа, кромѣ того, что согласно съ Священнымъ Писаніемъ ветхаго и новаго завѣта, и что вселенскіе отцы и древніе епископы собрали изъ онаго». Отвѣтъ англиканскаго богослова звучалъ тономъ желанія во что бы то ни стало оправдать символическую книгу своей церкви, но Филаретъ былъ непреклоненъ. «Все, что я могу сказать на это, говорилъ онъ, это то, что это правило вашей церкви гораздо лучше ея членовъ вѣры, и его нужно бы печатать вмѣстѣ съ ними. Единеніе конечно, добавилъ онъ, очень желательно, но при тѣхъ трудностяхъ, которыя лежатъ на пути къ нему, достигнуть его крайне трудно ¹⁾).

Нѣсколько времени спустя Пальмеръ получилъ отъ высокопреосвященнаго Филарета чрезъ посредство А. Н. Муравьева письменный отвѣтъ, который передается въ запискахъ англиканскаго богослова только въ краткомъ извлеченіи. Въ отвѣтѣ этомъ говорилось, что тотъ, кто желалъ бы получить общеніе отъ епархіальнаго епископа, долженъ подчиниться абсолютно и безъ ограниченія ученію, дисциплинѣ и обрядности православной церкви, но что допускать единеніе или воссоединеніе съ какою бы то ни было уступкою или условіемъ, какъ бы они ни были малы, стоитъ выше власти епархіальнаго епископа и можетъ быть допущено только синодомъ ²⁾).

Такой окончательный приговоръ, произнесенный высокопреосвященнымъ Филаретомъ надъ схемой Пальмера, совершенно правиленъ. Въ качествѣ епархіальнаго епископа, московскій митрополитъ официально только и могъ сдѣлать такой отзывъ. Пальмеръ, какъ частное лицо и частный членъ англиканской церкви, въ его глазахъ не могъ считаться уполномоченнымъ представителемъ своей церкви, въ его голосѣ онъ не могъ видѣть голоса его церкви, и потому, въ сущности, не могъ и входить съ нимъ въ серьезное разсмотрѣніе вопроса объ установленіи общенія между церквами, такъ какъ этотъ вопросъ подлежитъ обсужденію законно и открыто назначаемыхъ органовъ, снабженныхъ извѣстными полно-

¹⁾ Palmer, pp. 395 и 396.

²⁾ Palmer, p. 415.

мочіями отъ лица церкви. Въ качествѣ же частнаго лица, Пальмеръ могъ быть допущенъ къ общенію съ православною церковью только на общихъ основаніяхъ принятія иновѣрцевъ, т. е. подъ условіемъ абсолютнаго отреченія отъ заблужденій англиканства и такого же принятія истинъ и формъ Православія. Правильность такого приговора засвидѣтельствована была и формальнымъ отвѣтомъ св. Синода, въ который Пальмеръ обращался также съ прошеніемъ о допущеніи его въ общеніе съ православною церковью, хотя при этомъ онъ, чтобы придать больше вѣсу своему дѣлу, представилъ грамоту отъ одного шотландскаго епископа. Св. Синодъ отвѣчалъ на его прошеніе, что «какъ британская церковь никакимъ соборнымъ актомъ не выразила своего намѣренія возстановить утраченное съ нашею церковію общеніе, чрезъ отверженіе всѣхъ противныхъ нашему вѣроученію мнѣній, и какъ грамота одного епископа и прошеніе одного діакона, представляющія частныя лишь мнѣнія, синодальному разсмотрѣнію не подлежатъ, то Синодъ не можетъ допустить Пальмера къ общенію Православной церкви иначе, какъ въ порядкѣ, установленномъ для присоединенія иновѣрцевъ»¹⁾.

Въ отвѣтъ св. Синода заключалось не только отрицательное рѣшеніе дѣла Пальмера, какъ частнаго лица, но и формальное съ его стороны отрицаніе истинности оксфордской доктрины. Сущность этой доктрины заключалась въ теоріи, по которой единая каеволическая Церковь являлась существующею въ трехъ вѣтвяхъ, представляемыхъ православною, латинскою и англиканскою церквами. Каждая изъ нихъ въ своей цѣлостности есть одинаково святая, каеволическая и апостольская церковь. Хотя онѣ раздѣлены между собою пространственно и іерархически, но между ними непрерывно существуетъ связь духовная, органическая, и если эта связь не выражалась въ дѣйствительныхъ фактахъ, то только по исторически образовавшемуся недоразумѣнію. Пальмеръ лично хотѣлъ устранить это недоразумѣніе. Онъ явился въ Россію

¹⁾ Отвѣтъ этотъ см. въ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода № 337. Отрывокъ изъ него въ статьѣ «Христ. Чителъ» за 1866 г. ч. II, стр. 399. Пальмеръ въ своей книгѣ о немъ совершенно умалчиваетъ.

съ цѣлю доказать фактически, что, будучи членомъ англиканской церкви въ пространственномъ и іерархическомъ отношеніи, онъ въ то же время духовно есть членъ и восточной церкви, и потому онъ такой же православный, какъ и всѣ члены православной церкви. Убѣжденность его въ истинности своей доктрины простиралась до того, что онъ даже не предполагалъ возможности сомнѣнія или отрицанія ея, и потому онъ былъ наивно изумленъ, когда первый русскій православный священникъ, къ которому онъ обратился съ просьбою принять его въ общеніе таинствъ, какъ православнаго, предварительно потребовалъ отъ него отреченія отъ заблужденій англиканизма. Вся дальнѣйшая дѣйствительность на каждомъ шагѣ давала ему знать, что оксфордская доктрина вытекла не изъ вселенскаго сознанія Церкви, а есть простое мѣстное ученіе, явившееся вслѣдствіе особенныхъ исторически образовавшихся условій жизни англиканской церкви, и потому является ученіемъ совершенно чуждымъ духу православной Церкви, которая твердо стоитъ на древнихъ вселенскихъ началахъ и не желаетъ поступаться ими въ пользу какихъ бы то ни было искусственно созданныхъ или мѣстныхъ и частныхъ теорій.

Обобщая результаты своихъ наблюденій надъ церковно-религіозною жизнью и богословскою мыслью въ Россіи, Пальмеръ въ своемъ письмѣ ва имя президента Магдаленской коллегіи д-ра Рута, писалъ, что въ Россіи почти совсѣмъ не знаютъ англиканской церкви и обыкновенно ставятъ ее въ уровень съ заурядными протестантскими общинами. Русское духовенство, по его отзыву, настолько крѣпко держится своего цѣлостнаго церковно-религіознаго міросозерцанія, что не дѣлаетъ или не хочетъ дѣлать различія между существомъ вѣры и второстепенными предметами, а также и между тѣмъ, что существенно необходимо, и что необходимо только изъ послушанія церковной власти, мѣстной или вселенской. Оно не имѣетъ достаточной ясности въ опредѣленіи видимой церкви, но или либерально до расплывчатости или же напротивъ узко до исключительности, такъ что, при вступленіи отдѣльныхъ членовъ изъ инославныхъ общинъ, отъ нихъ требуется чтобы они анаематствовали одинаково, какъ душегубитель-

ныя ереси,—зablужденія папистовъ, лютеранъ и кальвинистовъ. Русская богословская мысль, по его мнѣнiю, не выработала яснаго различенiя между апостольскими церквами, содержащими существо вѣры, каковы римская и англиканская, и другими чисто еретическими общинами, какова, напр., несторiанская; равно не различаетъ православной церкви, которая существуетъ на своей собственной территорiи и имѣетъ тамъ свою законную юрисдикцию, отъ тѣхъ церквей, которыя вторгаются въ чужiя области, производятъ схизмы и возстановляютъ алтарь противъ алтаря. Наконецъ, русская православная церковь, по его отзыву, крайне боится сдѣлать такой шагъ, который могъ бы смутить совѣсть унiатовъ, австрiйскихъ славянъ греческаго обряда, русской малоразвитой крестьянской массы, раскольниковъ или грековъ Леванта. А такимъ шагомъ, по ея мнѣнiю, и было бы допущенiе англиканина къ общенiю въ таинствахъ безъ его отреченiя отъ заблужденiй англиканизма ¹⁾).

Весь фактическiй материалъ, на основанiи котораго Пальмеръ дѣлаетъ такое обобщенiе касательно церковнаго религiознаго мiросозерцанiя русской православной церкви, въ предъидущихъ статьяхъ начертанъ съ такою полнотою, что не видится особенной надобности подвергать эти выводы какой либо критикѣ. Замѣтимъ только, что русская богословская мысль, дѣйствительно, какъ говоритъ Пальмеръ, доселѣ не выработала еще достаточно яснаго опредѣленiя видимой церкви, настолько яснаго и отчетливаго, чтобы имъ сразу устанавливалась какъ характеристика православной церкви, такъ и ея отношенiе ко всѣмъ инославнымъ церквамъ. Отсутствiе такого яснаго опредѣленiя составляетъ постоянный источникъ недоразумѣнiй въ ея отношенiяхъ къ инославнымъ церквамъ и обуславливаетъ ту неустойчивость богословской мысли, по которой она склоняется то въ сторону романизма, то въ сторону протестантизма, какъ это не разъ отмѣчалось въ настоящихъ статьяхъ. Но, съ другой стороны, идея православной Церкви во внутреннемъ сознанiи самой церкви

¹⁾ Palmer, гл. LXXV.

и ея представителей живеть въ такой исторической опредѣленности, что ея совершенно достаточно для того, чтобы съ критическою строгостью относиться къ различнымъ условнымъ теоріямъ и схемамъ, какъ это и случилось со схемой англичанина Пальмера.

А. Лопухинъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion-estin.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: info@axion-estin.ru**